

An illustration of a woman with long dark hair, wearing a flowing yellow dress, floating horizontally in the air. She is barefoot and has her arms outstretched. The scene is set in a courtyard between several-story apartment buildings with yellow facades and blue window frames. The sky is a clear, bright blue, and several birds are flying around. In the top right corner, there is a large yellow circle containing text.

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ТАЙНЫЙ ДНЕВНИК **ЛОЛИТЫ**

Ольга Володарская

Тайный дневник Лолиты

«ЭКСМО»

2012

Володарская О. Г.

Тайный дневник Лолиты / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-55663-2

У Виктора Саврасова было все... Все, что можно купить за деньги! Его отец занимал министерский пост, мать выступала в Большом, а сам он стал одним из богатейших людей России. Поэтому профессор Стариков и пригласил его на свой юбилей – кто не захочет похвастаться таким учеником! Но бывший преподаватель Виктора умер прямо во время банкета: его отравил кто-то из гостей. Главным подозреваемым стал Саврасов: профессор успел указать на него и назвать убийцей... Узнав о смерти отчима, Ксения не почувствовала горя. Она хлебнула его сполна при жизни Старикова и, кажется, дошла до предела выпавших на ее долю страданий. Она давно планировала месть, однако кто-то сделал это за нее... Но кто? Неужели Виктор Саврасов, которого Ксения впервые увидела, когда ей было всего пятнадцать? Увидела – и полюбила на всю жизнь...

ISBN 978-5-699-55663-2

© Володарская О. Г., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	31
Часть вторая	34
Глава 1	34
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Володарская

Тайный дневник Лолиты

Пролог

Старик стоял у зеркала, висящего на стене туалетной комнаты небольшого ресторанчика, где он отмечал свой день рождения, причесывался и думал о том, что он еще о-го-го. Фигура подтянутая, лицо довольно гладкое, зубы неплохие. Они, конечно, не так крепки и белы, как в молодости, а сероваты, сточены, на многих коронки, но все же во рту не протезы, как у большинства его ровесников.

Старик широко улыбнулся своему отражению. Убрал расческу, пригладил волосы, и без того лежащие идеально. С возрастом его шевелюра сильно поседела и немного поредела, однако старик ею гордился. Не всякий молодец может похвастаться тем, что у него нет залысин, а на затылке не проклевывается плешь. Взять, к примеру, тех, с кем старик сейчас отмечал свой юбилей. Их было шестеро. Все парни. Самому младшему тридцать восемь, старшему – сорок семь. Мальчишки! А трое уже, если по-научному, с алопечией. И все делают вид, что их это не трогает. Шутят про умные волосы, покидающие дурную голову. Вспоминают о каких-то исследованиях, согласно которым лысые более сексуальны и поэтому нравятся женщинам. Приводят в пример Брюса Уиллиса и Гошу Куценко. А сами наверняка мечтают иметь густую шевелюру...

Но разве кто-то из них в этом сознается?

Старик открыл кран, пустил воду, желая помыть руки, но тут ощутил острую боль в области живота. Чертова язва! Только она омрачала его жизнь...

Боль усилилась. Что неудивительно, ведь он сегодня нарушил диету. Наелся салатов с майонезом, копченой колбасы, соленой рыбы. Да еще выпил в честь праздничка. Почувствовав, как по лбу начинает стекать пот, старик оторвал бумажную салфетку, вытер лицо, после чего полез в карман за таблетками. Он уже принял одну, когда зашел в туалет, но она не подействовала, придется глотать еще пару. Чтоб наверняка. Ему нужно продержаться не меньше часа, а лучше два. Ведь он обещал гостям сюрприз...

Трясущейся рукой старик достал пузырек с лекарством. Зубами стащил крышку. Вытряхнул на ладонь две таблетки, отправил их в рот, проглотил. Одна прошла хорошо, но вторая застряла в горле. Чтобы протолкнуть ее, старик выпил воды. Прямо из-под крана. Вроде бы стало лучше.

Постояв немного с закрытыми глазами, он собрался убрать лекарство в карман, как руки вдруг перестали слушаться. Он просто-напросто их не чувствовал.

Пузырек упал на пол. Таблетки рассыпались. Старик смотрел на них, и какая-то мысль не давала ему покоя. Но сосредоточиться на ней он не мог, мешала разрастающаяся боль. Еще недавно она была сконцентрирована в животе, но теперь завладела и грудной клеткой, и горлом, и лобной областью.

Старику стало ясно, что это не язва, а что-то гораздо более страшное!

И тут он смог ухватить ту мысль, что не давала ему покоя. Таблетки! Те, что валяются сейчас на полу и которые он принял совсем недавно... Они... Они отличаются от его язвенных. Не сильно, но все же... Немного другой оттенок, полоса не такая глубокая...

– Отравили, – просипел старик. Он хотел прокричать эту фразу, но горло сдавил спазм.

Боль завладела всем его телом. Сжала стальным обручем голову.

Ноги стали подкашиваться. Понимая, что через несколько секунд он рухнет на пол, старик направил свое сведенное судорогой тело к двери. Она открылась, когда он навалился на

нее. За дверью небольшой, метровый, коридорчик, а дальше, через арку, зал. Сквозь пелену на глазах старик рассмотрел тех, кто там находился. Главное же, найти глазами своего УБИЙЦУ. Перед тем как отойти в мир иной, старик хотел указать на него. Чтоб все знали, кто повинен в его смерти...

Часть первая

Глава 1

Виктор Саврасов (За час до случившегося...)

Зал ресторана был так мал, что Виктор Саврасов, как только вошел, почувствовал себя крайне неудобно. Его рост составлял два метра. Саврасову везде было тесно. Приходилось то нагибаться, то поджимать ноги, то следить за руками – если их развести широко, можно что-нибудь уронить или удариться. В те годы, когда у Виктора не было личного самолета, он ужасно страдал, летая на транспортных. Даже в бизнес-классе ему было некомфортно. В стандартных квартирах с высотой потолков два пятьдесят пять он вечно стучался о люстры. Поэтому сразу, как только появились деньги, он построил себе огромный дом. Недоброжелатели тут же решили, что Виктор Саврасов жуткий выпендрежник, а он просто стремился к максимальному комфорту.

В ресторане же, куда он заехал, чтобы поздравить своего бывшего преподавателя с юбилеем, Виктор сразу почувствовал себя Гулливером в стране лилипутов. Низкий потолок давил на макушку, а столики, которыми было густо заставлено тесное помещение, доходили ему до колен и казались игрушечными. Когда же Саврасова усадили за один из них, он едва не опрокинул закуски, попытавшись просунуть под него свои длиннющие ноги. Виктор планировал остаться на десять минут, подарить педагогу букет цветов и шахматы из слоновой кости, провозгласить тост, выпить символическую рюмку водки и ретироваться, сославшись на неотложные дела. Но не тут-то было! Семидесятилетний профессор, пока не высказался сам, другим и слова вставить не дал. А поговорить он любил...

Пока старик вещал, Виктор рассматривал гостей. Их, включая его, было шестеро. Двоих он знал. Остальных нет, хотя лицо одного из них показалось смутно знакомым. Старик представил его Виктору, но имя ни о чем тому не сказало.

– Вот я дурак, – услышал Саврасов шепот сидящего рядом гостя. Это был его сокурсник и добрый друг Андрей Седаков. – Думал, забегу на минутку, уважаю старика, а, судя по всему, застрять придется не меньше чем на час...

Виктор кивнул. Он уже и сам был не рад тому, что решил поздравить профессора лично. Мог бы, как обычно, позвонить тому и отправить курьером цветы и презент, но... Старикову исполнилось семьдесят, такая дата! К тому же впервые он прислал официальное приглашение на торжество. Когда секретарь сообщил о нем, Виктор удивился. Старик был крайне скуп. Просто-таки маниакально. И никогда не собирал застолий. Даже когда к нему приходили в гости коллеги или студенты, чтобы поздравить, он только чаем их поил. С недорогими конфетами или вареньем. А тут вдруг приглашение на банкет. Да еще и в ресторан.

Виктор решил так: «Буду в это время в Москве, заскочу. Порадую юбиляра. Как бы я к нему ни относился как к человеку, а преподаватель он – от бога. Он так много мне дал...»

Профессора не любили многие. Можно сказать, все. За скверный характер и излишнюю строгость. Он три шкуры драл со своих студентов. Любимчиков не имел. Поблажек никому не делал. Даже тем, кого выделял. Виктор, например, пусть и считался фаворитом старика, ни разу «на халяву» не получил ни одного зачета. А Седакова – его Стариков недолюбливал за излишнюю самоуверенность – профессор вообще беспощадно топил. Андрей чуть из-за него из института не вылетел. Виктор, между прочим, когда увидел друга в числе гостей, поразился. С чего бы Седакову являться на день рождения к человеку, омрачившему все его студенческие

годы? А вот почему старик пригласил Андрея, Виктор понял сразу. Те ученики, что добились большого успеха, для любого педагога почетнее медалей. И не важно, где он преподает или преподавал, в Гнесинке, Литературном институте или Финансовой академии, льстит, что тот, кто у тебя учился, стал звездой. Сцены, беллетристики, предпринимательства – не имеет значения. Главное, человек достиг высот своей профессии. А в этом немалая заслуга педагога, не правда ли?

Так что Виктор изначально готовил себя к роли эдакого свадебного генерала. Предполагал, что на торжестве будет множество гостей – бывших коллег, друзей, родственников. И старик будет перед ними хвалиться своим «творением» – одним из самых известных олигархов России Саврасовым.

Виктор в списке «Форбс» занимал шестую строчку. Мог бы забраться и на самый верх, но не стремился к этому. Самому себе он давно все доказал и перестал рваться в абсолютные лидеры уже в возрасте тридцати лет. Теперь ему было сорок. И он прочно закрепился во всех рейтингах самых богатых и влиятельных людей России. Его состояние было так велико, что обращать внимание на то, на сколько миллионов богаче кто-то другой, он считал глупым. Но было время, когда он мечтал стать самым-самым. Во всем. В том числе в этом. И когда ему удалось потеснить с первого места бессменного «чемпиона» Лаврентия Кондрашова, Виктор понял – жизнь удалась. И успокоился. Перестал гоняться за сверхприбылями, вкалывать без выходных, шагать по головам. «Всех денег не заработаешь, – сказал себе Виктор. – А тех, что я имею, мне хватит на миллион лет!»

Виктору нравилась поговорка: кто знает, сколько у него денег точно, не может считать себя богатым. Сам он не знал. Его активы были так огромны и разнообразны, что, возмись он без помощи своих бухгалтеров прикидывать размер собственного состояния, погрешность в подсчетах составила бы несколько миллионов евро.

Виктор всегда был золотым. Мальчиком, парнем, мужчиной. Его отец занимал пост министра, мать была прима-балериной Большого театра. Виктор ни в чем не знал отказа. Ему покупали фирменные вещи, бытовую технику, мотоциклы. Сколько он перебил их в подростковом возрасте, не сосчитать! Когда Виктор на очередной «Ямахе» врезался в бетонный забор и едва не погиб, отец сказал: «Хватит!» – и... Подарил сыну машину. Юркую иномарку с подушкой безопасности. Тогда Виктор только поступил в Финансовую академию.

Учился Саврасов легко. Ни разу не завалил ни одного экзамена или зачета. Родители гордились умницей-сыном и после каждой успешно сданной сессии одаривали его чем-то. Многие сокурсники Виктора думали, что именно поэтому он так хорошо учится. Стараются, чтобы получить новый магнитофон, золотые швейцарские часы, машину, квартиру, наконец. Ее подарил Саврасову отец после того, как сыну вручили «красный» диплом. Но они ошибались! Виктору просто нравилось учиться. А то, что его увлекало, давалось ему легко.

После института была аспирантура и престижная работа в международном банке. Став кандидатом наук, Виктор занял пост вице-президента московского филиала. Другому бы радоваться: жизнь удалась, а Саврасов захандрил. Стало скучно. Ведь все ему давалось без борьбы. Многие думали, что тут не обошлось без мохнатой лапы папочки-министра. Даже сам Виктор. Пару раз он напрямую спрашивал у отца, не вмешивался ли тот в его судьбу. Тот отвечал отрицательно. Но Виктор все равно сомневался. И чтобы доказать самому себе, что он чего-то стоит, уволился со своей престижной работы и вместе с однокурсником и большим другом Андрюхой Седаковым учредил коммерческий банк. В ходе залоговых аукционов он приобрел государственные пакеты акций многих крупных компаний – судоходных, золотодобывающих, нефтяных. Это сделало Виктора и Андрея богачами. Когда им стало тесно вместе, они разошлись. Но только как компаньоны. Дружба их прошла многие испытания и только окрепла со временем. Встречались Виктор с Андреем нечасто, оба были крайне занятыми людьми, но

хотя бы три раза в год обязательно выбирались вместе на пять-шесть дней на отдых. Катались либо на горных лыжах, либо на яхте. А последний раз летали в Кению на сафари.

С того незабываемого отпуска прошло два месяца. Друзья постоянно созванивались, но увидеться смогли только сейчас. Причем явились на юбилей профессора, не сговариваясь. Виктор думал, что тот Седакова даже не позовет. А вот поди ж ты! На то, что старик изменил свое отношение к Андрею, можно было не надеяться, он был страшно злопамятен. Значит, позвал по той же причине, что и Виктора. Седаков тоже был миллиардером. Но не любил светиться. Его знали только в узких кругах. Не то что Виктора. Не проходило недели, чтобы о нем не написали в желтой прессе или не показали по телевизору.

Еще одного гостя, Лаврентия Кондрашова, пресса также удостаивала вниманием. Но если имя Седакова обычно полоскали скандальные журналисты, приписывая ему романы то с одной красоткой, то с другой, то с третьей, то о Лаврентии писали газеты финансовые и политические.

«Трое из шести гостей чертовски богаты, – подвел итог Виктор. – Остальные, судя по всему, тоже не бедствуют. Не так круты, как мы, иначе я знал бы их, но, судя по часам, запонкам и костюмам, состояние каждого составляет как минимум несколько десятков миллионов в валюте! Разве что тот, чье лицо мне кажется знакомым, выглядит очень скромно. На нем нет ни часов, ни украшений, даже телефона сотового не видно. Но держится очень уверенно, не тушуясь. Бедняки обычно в компании сильных мира сего так себя не ведут...»

– Узнал Аристарха Козловского? – услышал Виктор тихий голос Андрея.

– Кого? – переспросил тот.

Седаков молча указал глазами на знакомого незнакомца. Виктор недоуменно на него взглянул. Знал он когда-то человека по фамилии Козловский и имени Аристарх. Да кто его не знал? Он владел фондовыми биржами. Стал первым российским олигархом. Был немного эксцентричен. Любил учреждать премии имени себя и жениться на знаменитых женщинах. Виктор хорошо помнил, как Козловский выглядел. Импозантный, бородатый, с обширной лысиной, в очках и в неизменном черном костюме, призванном его стройнить. Виктору он чем-то напоминал крота из мультфильма про Дюймовочку. Господин же, что сидел поодаль от него, не походил ни на этого персонажа, ни на Козловского. Хотя и был лыс. Но лицо и фигура другие. Тот был крепко сбитый, этот худой как щепка. И лицо у Аристарха было сытое, благодатное, но чуть хитроватое, как у хорошо поддающего, вороватого дьячка, а у знакомого незнакомца – аскетичное, вытянутое, с заостренными чертами и каким-то бабым подбородком...

Неужели это Козловский?

– Не может быть! – воскликнул он. Да так громко, что старик услышал его возглас и сурово сдвинул брови. Он как раз рассуждал о том, насколько снизился уровень образования в стране, и решил, что Виктор оспаривает его мнение. Саврасов извинился и попросил продолжать. Едва старик возобновил свою пламенную речь, Виктор наклонился к Седакову и переспросил: – Это Козловский?

– Да.

– Но мне старик его представил как Николая Козлова.

– Правильно. Его именно так зовут. И профессор знает его прежде всего как Кольку Козлова.

– Назвался Аристархом и подкорректировал фамилию для благозвучности?

– Наверное.

– И все равно я бы его не узнал...

– У него фаланги на мизинце правой руки нет.

Виктор покосился на кисть Козлова. Действительно, левый мизинец обрублен. У Козловского был точно такой же дефект. Саврасов это помнил.

– Чего это с ним случилось? Отчего так исхудал? – не переставал удивляться Виктор.

– Может, болеет...

– Не скажешь. Вид бодрый. Хоть и истощенный.

– А этих двух братьев знаешь? – полюбопытствовал Седаков, легонько кивнув на сидящих по правую сторону от старика мужчин. На первый взгляд они были непохожи, разве только своей «компактностью»: низкий рост, узкие плечи, маленькие кисти, но, если присмотреться, в лицах угадывалось родственное сходство. Однако ж Седаков его уловил мгновенно. Он был очень наблюдательным.

– Нет, – ответил на его вопрос Виктор. – А ты?

– Вот и я тоже подозреваю, что и они учились у него. На его родственников-то не тянут. Старик – русский, а ребята – евреи.

Тем временем старик закончил свою пространную речь словами благодарности в адрес тех, кто пришел, и попросил их выпивать и угощаться. Но едва прозвучали эти его слова, как из фойе раздался шум. Прислушавшись, Виктор различил голоса:

– Я говорю вам, ресторан закрыт на спецобслуживание!

– Да я понимаю. Но я и пришла, чтобы поздравить юбиляра!

Первый голос был мужским, принадлежал, судя по всему, охраннику Лаврентия Кондрашова, оставленному при входе, а второй – женский.

– Так вы гость? Назовите свое имя, у меня список...

– Я человек, желающий поздравить Алексея Алексеевича Старикова с днем рождения! – отчеканила женщина.

Кондрашов вопросительно глянул на юбиляра, тот кивнул.

– Гоша,пусти! – крикнул Лаврентий. А Стариков встал из-за стола.

Через несколько секунд в зале показалась женщина с цветами в руках. Ее возраст определить было трудно. Прежде всего потому, что половина ее лица скрывалась под огромными дымчатыми очками, а голову украшал (а скорее уродовал) платок, повязанный на мусульманский манер. Он был надвинут на лоб и уши, а заканчивался узлом сзади. Многие женщины подобным образом на курортах закрывают голову от солнца. Но Виктору это не нравилось. Выглядело несексуально. Уж лучше шляпа. А если есть тяга к платкам, то их можно завязывать и по-иному. Чалмой, например.

– С днем рождения, Алексей Алексеевич! – проговорила женщина, подойдя к столу и встав рядом с Виктором. Он уловил легкий ванильный запах духов. Весьма приятный.

Старик поблагодарил ее кивком. Виктору показалось, что к незваной гостье он испытывает неприязнь. И она взаимна.

– Это вам! – женщина протянула букет имениннику.

Тот взял и, не взглянув на него, положил на столик с подарками.

Повисла пауза.

– До свидания, – нарушила ее дама.

– Прощайте, – разомкнул-таки уста Стариков.

Его поведение показалось Виктору странным. Хотя бы из вежливости мог пригласить гостью к столу. Тем более что на нем стояло несколько лишних приборов. Очевидно, не все гости из списка явились на банкет.

Когда женщина ушла, именинник с явным облегчением выдохнул и опустил на стул. Затем аккуратно разложил на коленях салфетку и сказал:

– Давайте уже кушать! Милости прошу, угощайтесь.

Первым потянулся к закуске Козловский. Хотя не пил. Взял оливку, засунул в рот. Но тут же поперхнулся, закашлялся. Извинившись, вышел из-за стола и поспешил на улицу. Виктору подумалось, что отплеиваться. Наверняка оливки были кислыми.

Виктор окинул взглядом стол. Колбасная нарезка сомнительного качества, красная рыба явно не первой свежести, салаты, напоминающие месиво. Старик, как всегда, пожадничал. И

сэкономил не только на закуске, но и на выпивке. Водка, что была предложена, пахла настолько отвратительно, что Виктор даже пригубить ее не смог. Только сделал вид, что хлебнул. Седаков тоже. Остальные притворились непьющими. Хотя, вполне возможно, Козловский и братья на самом деле являлись трезвенниками. А вот Лаврентий совершенно точно любил выпить. Причем всем дорожущим коньякам и изысканным винам предпочитал русскую водочку. И имел несколько заводов по ее производству. Этот бизнес не приносил ему ощутимого дохода, больше удовольствие. Технологи его предприятий постоянно изобретали какие-то новые сорта, и Лаврентию нравилось их дегустировать.

– Не знал, что Кондрашов учился у старика, – заметил Виктор.

– Я не знал, что Кондрашов вообще учился, – хмыкнул Андрей. – По крайней мере, по его речи этого не скажешь...

Седаков, как всегда, попал в точку. Разговаривал Лаврентий на самом деле так, будто окончил только восьмилетку, и ту с горем пополам. В том, что Кондрашов чертовски умен, ни у кого сомнений не было. Дурак не сможет сколотить миллиардное состояние, и уж тем более не только не потерять его во время кризисов, но и приумножить. Причем Лаврентий разбогател законным путем (лучше сказать, условно законным, так как сделать большие деньги, соблюдая все буквы закона, невозможно), а если и проворачивал какие-то нелегальные дела, то так аккуратно, что ни разу не был в том уличен. И с властью Лаврентий не ссорился. Даже вступил в партию правящего большинства. Но в авангард не лез. Понимал: политическим лидерам нужно, кроме всего прочего, иметь хорошо подвешенный язык. Лаврентий же был не только косноязычен, но и безграмотен. Он неправильно ставил ударения, склонял слова, строил фразы. Поэтому никогда не давал телевизионных и радиоинтервью, а те, что печатались в газетах, придирчиво редактировались его помощниками. Лаврентий, по слухам, даже нанимал репетиторов по русскому языку, педагогов по риторике и обращался к специалисту, ставящему правильную речь (Кондрашов тянул гласные, хотя родился и вырос в Москве, и проглатывал некоторые согласные), но все напрасно. Говорил он все так же коряво.

– Что же вы не едите ничего? – разнесся по залу обиженный возглас именинника. – Рыбка красная вот, колбаска, салатики... – Он подвинул к вернувшемуся с улицы Козловскому тарелку с оливье. – Коля, покушай!

– Спасибо, Алексей Алексеевич, но я вегетарианец.

– Тогда минтай съешь в кляре.

– Рыбу я тоже не употребляю. Я лучше яблочка... – И он взял с вазы дольку грушовки.

Старик хотел высказать свое мнение насчет вегетарианства (судя по скривившейся физиономии, отрицательное), но тут Лаврентий предложил тост за здоровье именинника. Наверняка хотел сразу после него покинуть ресторан.

Однако старик не собирался никого так рано отпускать. Сообщил, что скоро будет горячее, а затем сюрприз для гостей. После чего он подозвал к себе официантку. Худенькая девушка с собранными в хвост светлыми волосами подошла к нему так стремительно, что со стола сдуло пару салфеток. Обе упали Виктору под ноги. Официантка не заметила этого. И Виктор решил поднять их сам. Наклонился под стол и увидел валяющийся на полу пузырек. Зная, что у старика язва и он регулярно принимает пилюли, Саврасов взял лекарство в руки и громко сказал:

– Алексей Алексеевич, вы, кажется, обронили!

Старик посмотрел на пузырек и кивнул.

– Да, это мои таблетки. Когда я умудрился их обронить? Вроде в плащ перекаладывал... – Он взял лекарство, поблагодарил Виктора и вернулся к беседе с официанткой. Говорил он тихо, но было ясно: отчитывает ее за что-то. Он едва заметно постукивал пальцем по столешнице. Девушка понуро кивала.

Виктору стало жаль ее. Такой клиент, как Стариков, беда для официантов. Всю душу вытрясет, а на чай ни рубля не оставит.

Отпустив девушку, профессор обратился к гостям:

– Итак, друзья мои, через десять минут принесут горячее. А потом обещанный сюрприз! Сейчас же можно перекурить... – И ворчливо добавил: – Хотя я бы не советовал. Вреднейшая привычка...

Все встали из-за стола. Старик направился в уборную, братья – на улицу курить, Козловский с ними, воздухом подышать. В зале остались Саврасов с Седаковым да Кондрашов, все встали, чтобы размяться.

– Лаврентий, неужто и ты у старика учился? – спросил у него Андрей. Они были с ним на «ты». Седаков вообще быстро с людьми сходилась, хотя никого, кроме Виктора, близко к себе не подпускал.

– Да. Заочно.

– Когда?

– Два года назад диплом получил. Старик нас выпустил и на пенсию ушел.

– Зачем тебе это нужно было, не пойму...

– Что именно?

– Диплом! Ты же финансовый гений и без него. Самородок. Таких, как ты, учить – только портить.

– Почему же? Узнал кое-что полезное. – И, усмехнувшись, добавил: – Учиться было забавно...

После этого он удалился в другой конец зала, чтобы поговорить по телефону, который зазвонил. Лаврентий сказал: «О, телефон звонит, пойду покалякаю!» Виктора это покорило. Он отличался врожденной грамотностью и испытывал чуть ли не физические страдания, когда при нем коверкали слова, письменно или устно, не важно.

Но к Лаврентию при всем при этом он испытывал симпатию. Ему даже внешность Кондрашова нравилась, хотя многие находили ее блеклой, невыразительной. Среднего роста, худощавый, белобрысый, Лавр не бросался в глаза. Если бы не родимое пятно в форме креста на лбу, вряд ли бы его вообще замечали. Но Виктор, который любил рассматривать лица, отметил при первом же знакомстве, что у Кондрашова очень тонкие, можно сказать аристократические черты. Благородный нос, четкий рот, высокие скулы. Глаза хоть и небольшие, но выразительные.

Сам Виктор был похож на мафиози. Причем нижнего звена. Рост – два метра, вес – сто двадцать килограммов, литые бицепсы, бритый череп, волевая челюсть. Если бы Саврасов не начал лысеть, он ни за что бы не обрился. Но кудри над ушами и небольшой островок волос на лбу делали его смешным. И Виктор стал сначала стричься под машинку, а потом убрал волосы под ноль. Без них он выглядел лучше, но опаснее, что ли. А так как Саврасов от природы был крупным, да еще любил спорт, много занимался им, то фигура его с возрастом приобрела пропорции боксера-тяжеловеса. Сними с него итальянский костюм, надень атласные шорты да перчатки и выпусти на ринг, Виктор там смотрелся бы гармоничнее, чем в своем офисе.

Тем временем с улицы вернулся Козловский. За ним следом – братья. Оба маленькие, как гномики. Даже официантка, казавшаяся Виктору дюймовочкой, была вровень с тем, что повыше. Или уж просто гиганту Саврасову все, кто ниже ста восьмидесяти, кажутся лилипутами?

Горячее подали. Картофель с куриной голенью. Виктор и не предполагал, что такое подают не только в столовых или привокзальных бистро, но и в ресторанах, пусть и не престижных.

– Не ел пюрешки с окорочками с начала девяностых, – проговорил Андрей азартно. – Хочу! Блин, хочу... – И, потирая руки, направился к своему месту.

Седаков сел за стол. Понюхав пюре, кивнул.

– Да, точно хочу! – И, не дожидаясь остальных, принялся есть, сопроводив начало трапезы фразой: – Надо слопать, пока не остыло.

– А где именинник? – спросил Козловский, тоже подойдя к столу и взяв из вазы яблоко. – Хотелось бы поскорее увидеть сюрприз и ретироваться.

– Интересно, что в его качестве будет продемонстрировано? – хмыкнул Андрей. Затем, отодвинув тарелку, проворчал: – Ну и гадость это пюре... Фу.

– Певца, наверное, пригласил, – предположил Лаврентий.

– Ага. Стинга, как ты на свой юбилей.

– Стинга вряд ли, – спокойно возразил Кондрашов. – А вот какого-нибудь барда, он вроде любитель...

– Или фокусника, – подал голос один из братьев. Тот, что повыше.

– Лучше бы стриптизершу, – усмехнулся второй.

Все заулыбались. Представить моралиста профессора в обществе стриптизерши было решительно невозможно. Он ни разу не продемонстрировал естественной мужской слабости. Даже двадцать лет назад, когда Стариков был еще относительно молод, он не заигрывал с коллегами женского пола и симпатичными студенточками. Вел себя если не как робот, то как евнух.

Виктору хотелось пить. Но на столе стояла лишь цветная газировка. Ни тебе минералки, ни простой воды в графине. Только что-то кошмарно красное, зеленое и желтое, разлитое в полуторалитровый пластик.

– Девушка, принесите, пожалуйста, воды, – окликнул он официантку. – Можно просто кипяченой.

Она, не оборачиваясь, кивнула и направилась к двери, ведущей в кухню. Саврасов, посмотрев ей вслед, заметил, какие красивые у нее ножки. Им бы не по этой забегаловке ходить, а по подиуму, и не в растоптанных кроссовках, а в изящных туфлях на высоченной шпильке.

От этих мыслей Виктора отвлек грохот. Резко обернувшись, он увидел, как распахнулась дверь туалета – она стукнулась о стену, отсюда и грохот – и из нее показался старик. Его шатало из стороны в сторону, точно смертельно пьяного. По лицу катился пот. Глаза были вытаращены, а руки сведены судорогой.

– Алексей Алексеевич, что с вами? – испуганно вскрикнул Козловский. – Вам нехорошо?

Ответа не требовалось. Всем было ясно, что имениннику не просто нехорошо, а очень и очень плохо. Его лицо, еще несколько секунд назад иссиня-бледное, стремительно начало краснеть. Белки выпученных глаз пошли алыми «трещинками» – это лопнули капилляры.

– Убийца, – прохрипел старик, выбросив скрюченную руку вперед, ткнув ею в Виктора. – Отравитель!

И, с трудом выплюнув изо рта это слово, рухнул на пол.

Его «потрескавшиеся» глаза закатились.

Рот распахнулся и застыл.

Кисти рук, похожие на когтистые лапы птицы, задрожали и обмякли.

Прерывистое, громкое, хрипящее дыхание оборвалось.

На миг воцарилась тишина.

После этого раздался звон. Это официантка уронила на пол бутылку с минеральной водой.

Глава 2

Лаврентий Кондрашов

Следственная бригада приехала быстро. Ее вызвала официантка. Девушка оказалась самой собранной и расторопной из всех присутствующих. Мужчины растерялись, а барышня подбежала к упавшему Старикову, потрогала шею, пытаясь нащупать пульс, а когда не вышло, сказала: «Умер!» После этого она проследовала к телефону и сделала два звонка: в полицию и «Скорую помощь», хотя Алексею Алексеевичу она уже ничем не могла помочь.

Лаврентий Кондрашов подошел к стойке бара, обозрел батарею бутылок, ткнул в одну из них, ту, на которой имелась наклейка «Абсолют», и спросил у бармена:

– Настоящая или паленая?

– Настоящая, – ответил тот, однако не очень уверенно.

Кондрашов, естественно, не поверил ему, но все же сказал:

– Плесни пятьдесят капель.

Бармен налил водки в стопку, подвинул Лаврентию. Понюхав, тот покачал головой.

– Нет, это я пить не буду. Давай лучше сока апельсинового.

Парень исполнил просьбу. А водку из стопки перелил обратно в бутылку, ловко отковырнув дозатор.

Со стаканом в руке Лаврентий повернулся лицом к залу, нашел глазами Саврасова и заинтересовался:

– Ты уже вызвал своего адвоката?

– Вызвал. А вы?

– А я решил пока обойтись без него.

– Зря, – вклинился в разговор Седаков. – Если старика на самом деле отравили, мы все станем подозреваемыми.

– Подозреваемый уже есть, – впервые за долгое время заговорил Козловский. С того момента, как старик упал замертво на пол, он не проронил ни звука. – Это Виктор Саврасов. Профессор назвал именно его своим отравителем.

Седаков вопросительно посмотрел на друга.

– Как думаешь, почему именно тебя?

– Без понятия, – пожал мощными плечами Саврасов.

– Я, кажется, знаю почему, – раздался голос Марка Штаймана. Лаврентий знал его. Тот получал свое второе высшее образование в то же время, что Кондрашов свое. – Я заглянул в туалет, – продолжал он. – Там по всему полу таблетки рассыпаны. Предполагаю, именно ими он и отравился. А если вспомнить, кто дал ему пузырек с лекарством...

– Я нашел его под столом!

– Этого никто не видел. В том числе профессор. Вы могли его и из кармана достать.

– Но это были таблетки Алексея Алексеевича.

– Это был пузырек из-под таблеток, которые принимал Стариков. Его же, как я полагаю, лежат в плаще, который висит сейчас в гардеробе...

Штайман как в воду глядел. Когда приехавшие по вызову полицейские осмотрели карманы плаща покойного, они обнаружили там пузырек с таблетками. Что еще, кроме этого, раскопали, Лаврентий не узнал, поскольку был уведен в подсобку для допроса. Причем до того, как он в сопровождении одного из оперов зашел в помещение, оттуда выкатили коляску со спящим малышом. Очевидно, кому-то из работников не с кем было его оставить дома.

Лаврентия усадили за плохо отмытый от пищевых отходов стол и оставили одного минут на двадцать. Кондрашов все это время пытался услышать, что творится за дверью, но до него долетали только обрывки фраз. Одно он понял: Саврасова уже допросили. Конечно же, в при-

сутствии адвоката, умудрившегося приехать не позже полиции. После того как Виктор был отпущен, опер, имевший с ним беседу, переключился на Кондрашова.

Майору было чуть за тридцать. Высокий, спортивный, с волевым лицом, он напоминал не реального, а скорее киношного борца с преступностью. Лаврентию опер не понравился с первого взгляда. Слишком самоуверен для человека, зарабатывающего тысячу долларов в месяц. Кто он, и кто Кондрашов! Надо же понимать... И вести себя соответственно. Ниц, конечно, не падать, но смотреть чуть снизу. Лаврентий к такому отношению привык. И ему это нравилось.

– Как, говорите, вас зовут? – переспросил он через несколько минут после того, как мент («полицай» или «коп» еще не прижилось и вряд ли приживется) представился.

– Майор Назаров. Алексей Петрович.

– Так вот, Алексей Петрович, еще раз повторяю, лично я именинника не травил и не имею понятия, кто это сделал. Все присутствующие на так называемом банкете, все до единого – уважаемые, успешные люди, зачем им вляпываться в криминал? – Лаврентий говорил и сам на себя не мог нарадоваться. Как складно у него получалось! Обычно его речь состояла из простых предложений без причастных оборотов.

– То есть в невиновности Саврасова вы тоже уверены?

– На сто процентов.

– Но ведь кто-то убил Старикова?

Лаврентий пожал плечами.

– Что, если это нелепая случайность?

– То есть?

– В пузырьке была отрава, не предназначавшаяся человеку.

– А кому?

– Может, это вообще таблетки для унитаза?

Назаров посмотрел на Лаврентия с осуждением. Типа, взрослый человек, а несете всякий вздор. Кондрашов мысленно усмехнулся. Ему нравилось выводить самонадеянного опера из себя. Пусть и по мелочи.

– Как вы относились к покойному? – возобновил допрос майор.

– Ровно.

– То есть неприязни не испытывали?

– Нет, конечно. Иначе я не пришел бы на его юбилей.

– Либо пришли, чтобы убить его...

– Смешно... – хмыкнул Лаврентий.

– Разве? А мне кажется, грустно. Вашего преподавателя убили. Вам его жаль?

Кондрашов посерьезнел. Он хотел поскорее закончить, чтобы поехать домой, выпить хорошей водочки и нормально поесть, поэтому сменил тон и стал давать четкие ответы на заданные вопросы:

– Очень жаль. Старик помог мне получить диплом, я ему очень благодарен.

– А остальные говорят, что покойный был крайне строг и придирчив.

– Не со мной.

– Чем было вызвано его расположение?

– А вы как думаете, майор?

– У меня есть одно предположение, но... – Назаров развел руками. – Все уверяют, что Стариков был неподкупным преподавателем.

– Серьезно? А может, просто мало предлагали? Каждый человек имеет цену. Стариков в том числе.

– И сколько же он стоил, если не секрет?

– Точной суммы не назову, но дорого.

– И зачем вам это было нужно? Платить, чтобы получить диплом? Я понимаю, некоторых на работу без корочек не принимают. Но это точно не ваш случай.

– Честно? Учиться пошел, чтобы проверить себя. Смогу что-то понять или нет. Мне науки никогда не давались. Я ведь даже курсов не заканчивал, до всего сам доходил. Есть у меня диплом экономиста. Но я купил его еще в девяностых. Чтоб меня умники, типа тех, кто на банкете присутствовал, всерьез воспринимали. Но в глубине души я себя неучем чувствовал. Вот и решил понять, так ли я безнадежен...

– И какой вывод сделали?

– Понял, что все и так знаю. В теории ноль полный, но на практике всех преподав порву. И заскучал. Стало неинтересно учиться. Но надо же закончить, раз начал. Диплом получить. Вот к Старикову и обратился.

– Вы хорошо его знали?

– Совсем не знал.

– То есть никаких контактов вне академии с ним не было?

– Раза три встречались в ресторанах. Я приглашал старика на обед, мы решали вопросы, связанные с моей учебой. На личные темы не говорили.

Он отвечал так уверенно, что Назаров ему поверил. После этого разговор пошел легче. Майор попросил описать эпизоды обнаружения Саврасовым пузырька и появления умирающего Старикова в зале. Кондрашов старательно воспроизвел и тот, и другой. И после пары наводящих вопросов был отпущен.

Глава 3

Лаврентий-Сеня

Лаврентий считал себя избранным. И не только потому, что на его лбу красовалось родимое пятно, по очертаниям напоминающее крест. И не из-за редкого имени. У Лаврентия был дар превращать в золото все, к чему он прикасается. Только в отличие от мифического царя Мидаса не в буквальном смысле. Поэтому дар свой он считал благом, а не наказанием.

Жаль, разобрался в себе Лавр уже в довольно зрелом возрасте, то есть понял, в чем его истинный талант, и потому полжизни прожил в бедности.

Он вырос в трущобах. Отец и мать Лаврентия работали на шинном заводе. Отец слесарем, мать – аппаратчицей. Оба имели за плечами восьмилетку и трудный опыт выживания. Приехали в Москву из деревень, долго искали, куда бы получше пристроиться, чтоб и зарплата достойная, и общежитие, пока их не взяли на только что пущенный шинный завод. Сошлись родители Лавра не потому, что полюбили. Как-то в праздник по пьяному делу переспали. Девушка забеременела. Парень поступил порядочно – женился на ней. Не последнюю роль в его решении сыграл тот факт, что семейным дают отдельную комнату в общежитии.

После рождения ребенка молодые недолго оставались вместе, всего два с половиной года. Отец Лавра решил отправиться на Север, чтобы заработать на квартиру, и больше жена с сыном его не видели. Соломенная вдова недолго горевала. Уже через полгода нашла нового мужа. На сей раз гражданского. Привела его к себе в общежитие. Велела сыну называть его папой.

Звали нового «папу» Лаврентия Васей. Это классическое русское имя совершенно мужику не шло. Вася был черняв, смугл, броваст и чертовски хорош собой. Только этим объяснялся его успех у женщин. Потому что любить Васю как человека было не за что. Пьющий, склочный, ленивый, да еще и судимый. Но Вася никогда не был один. Мать Лавра отбила его у своей подружки. И до той он был не одинок. Все женщины предоставляли Васе кров и содержали его на свои жалкие гроши. А он принимал это как должное.

Лаврентий себя помнил с трех лет. И самая первая картинка из детства – это та, на которой Вася его бьет. Мужик колотил пасынка по поводу и без. А матушка не возражала. Считала, что пацанов только кулаками воспитывать и надо.

Отчима Лавр ненавидел люто. Поэтому, когда узнал, что тот подворовывает, настучал на него милиции. Мальчику едва исполнилось пять, он не очень хорошо говорил – заикался и проглатывал некоторые согласные, но умудрился донести до сведения участкового нужную информацию. В общагу нагрянули с обыском. Васю замели. Ни он, ни мать не могли даже предположить, что к этому приложил руку Лаврентий.

Васю осудили. Дали пять лет. Мама поплакала, поплакала да нашла себе нового сожителя. Этот был, не в пример Васе, спокойный, только пил сильно. Нажравшись, ходил под себя. Так что в их комнате поселился не только мужчина, но и сопровождающий его запах мочи. Около года он прожил с матерью, пока не закодировался. Сделав это, мужик ушел. А спустя месяц у Лавра появился новый «папа».

Этот продержался дольше предыдущего, но меньше Васи. И ничего плохого о нем Лавр сказать не мог. Пьющий, как все мамины избранники, непутевый, туповатый, но хитрый. Следующие за ним «отцы» были примерно такие же, и Лаврентий не всех мог упомянуть. Но тот, о ком хотел бы забыть, напомнил о себе через пять лет. Вася, освободившись, явился к своей бывшей пассии...

И она его приняла!

После тюрьмы Вася стал еще злее. А так как Лавр уже более-менее повзрослел, то его можно было бить не вполсилы, как раньше, а в полную (спасало мальчишку то, что у мужика был ослабленный после тюрьмы и алкоголя организм). Когда Вася делал это при матери, она

иногда за сына заступалась. Если была трезвая. А пьяная еще и подначивала, потому что Лавр плохо учился, не слушался и сигареты у них воровал. «Мал еще, чтобы курить! – рычал Вася, нанося мальчишке удары. – А если опять скрысятничаешь, я тебя вообще пришибу!»

Но Лаврентий все равно продолжал, как выражался Вася, крысятничать. Крал не только сигареты, но и вино. Сливал его по возможности в баночку, а потом продавал в школе. Как и сигареты. Многих мальчишкам хотелось покурить или выпить, но либо взять было негде, либо просто боялись у родителей воровать. А тут на школьном дворе и за сущие копейки...

Деньги, вырученные от продажи, Лаврентий не тратил – копил. Мечтал сбежать из дома. Уехать куда-нибудь к морю, где тепло и фрукты. А если не получится в Крым или на Кавказ, то в любое другое место. Лаврентий готов был сбежать и на Север, и в тайгу, и в вечную мерзлоту, куда угодно, только бы подальше от дома, где над ним всячески издевались. Не только били и унижали. Еще мальчик постоянно становился свидетелем пьяного секса. Мать считала, что он спит, и с удовольствием отдавалась Васе. А Лаврентий открывал глаза, которые быстро привыкали к темноте, и все видел. И сам акт, и голую мать, и Васю без трусов. Иногда он наблюдал пенис отчима совсем близко, почти у своего лица, и тогда вскакивал, будто только проснулся, и звал маму.

Когда в копилочке Лаврентия набралась месячная зарплата советского работяги, он стал готовиться к бегству. Однако все сорвалось в самый последний момент. Вася нашел его заначку...

Мать орала: «Гаденыш, как давно ты ворует мои деньги?» Вася махал кулаками. Лавр кидался на него, пытаясь вернуть свое. Естественно, ничего у него не вышло. Избитого Лаврентия заперли в комнате, а сами ушли пропивать его деньги.

Мальчик, переполненный злостью и отчаянием, сперва только плакал. Но потом вскочил и в иступлении начал рвать вещи матери и его сожителя. Но этого ему показалось мало. Гнев был не выпущен. И Лаврентий принялся бить посуду. Срывать занавески. Грохнул радио. Был бы телевизор, и его б расколотил.

Испортив в комнате все, что можно, Лаврентий в изнеможении опустился на грязный пол. Отдыхался. Обозрел пространство. Понял, что натворил, и ужаснулся. Теперь его точно пришибут!

Мальчишке ничего не оставалось, как убежать. Причем через окно, так как дверь была заперта. К счастью, прыгнув со второго этажа, он ничего себе не сломал. Только ушибся немного и, прихрамывая, побежал прочь от общежития.

Лавру повезло, он смог без приключений добраться до вокзала, сесть в электричку и доехать до конечной, не попавшись контролерам. Он сделал три пересадки, пока не понял, что если не поспит, то умрет от усталости. Еще ему ужасно хотелось есть, но голод он терпел легко – дома его кормили нерегулярно.

Переночевать Лавр решил на вокзале. Естественно, не в зале ожидания, где ходит милиция, а под лестницей, ведущей в подвал. Там его и нашла уборщица Маришка.

Маришке было сорок. Бездетная, одинокая, не совсем нормальная, но очень добрая женщина, она вечно подбирала бездомных кошек и собак...

Подобрала и Лаврентия.

Маришка жила неподалеку. Занимала комнату в бараке. У нее было бедно, но чисто, несмотря на проживающих здесь животных – четырех кошек и двух собак. Маришка накомила найденых кашей – пшенкой с мясными обрезками. Что животным варила, то и сама ела, и гостям предлагала. Обычно все отказывались, а вот Лавр съел с удовольствием. Каша показалась ему очень вкусной.

Маришка спросила, как мальчика зовут. Тот сказал, что не помнит.

– Память отшибло? – ахнула та.

– Ага.

– Бывает такое, знаю. Когда головой ударяешься. Или со страху.

– Я ударился, – быстро соврал Лавр.

– Тогда тебе в больницу надо. А потом в милицию.

Лавр испуганно замотал головой.

– Ну как же? – растерялась Маришка. – Тебе дом найти нужно, не вечно же на вокзале ночевать.

– А можно я тут поживу немного? Вдруг само собой вспомнится все...

И так жалостливо посмотрел ей в глаза, что добродушная дурочка тут же согласилась приютить Лавра.

– Только как же мне тебя называть? – озадаченно проговорила она. – Ты ж имени своего не помнишь...

– Как хотите...

– Семеном будешь. У меня котик был с таким именем. Ты на него похож. Тоже пятнышко на лбу.

Так Лаврентий на целых полгода стал Семеном.

Жилось ему у Маришки хорошо. Он спал на матрасе, брошенном на пол, вместе с кошками, ел пшенку с мясными обрезками и был абсолютно счастлив. Ведь его никто не бил, не унижал, при нем не пили, не дрались, не занимались сексом. Маришка даже не заставляла Лаврентия что-то делать, он сам и убирался, и животным варил еду, и помогал ей на вокзале. Из дома он сбежал в конце мая, и лето провел лучше, чем в пионерлагере, а осенью появились проблемы. Маришка всем говорила, что мальчик ее племянник, приехал на каникулы, но когда в сентябре начался учебный год, у соседей да работников вокзала стали возникать вопросы. Пришлось Лавру уйти в «подполье». Он перестал выходить из комнаты днем (справлял нужду в горшок, варил еду на плитке), даже ночью сигал через окно. Но это не помогло! В конце ноября явился участковый и забрал «Семена» в отделение. Он и ему наврал про амнезию, но на Лаврентия Кондрашова пришла ориентировка, а мальчик с такой особой приметой, как родимое пятно в форме креста, не имел шансов остаться неузнанным.

Лаврентия вернули домой.

К огромному, просто-таки невероятному счастью Лавра, Васи там не было. Он ушел от матери к другой. А к ней прибилась очередной мужчина. Вован. Что удивительно, вполне нормальный. Да, он попивал, но не каждый день. И мало того, вполне пристойно зарабатывал, чиня обувь. У нового сожителя матери был один недостаток – недоразвитая конечность. Он чудовищно хромал, имел инвалидность. Наверное, поэтому он выбрал мать Лаврентия, а не кого-то получше.

Когда пацан вернулся домой, он ожидал взбучки. Но матушка его только отругала. Видимо, побоялась, что сын снова учинит разгром в доме.

С новым «папой» Лаврентий быстро нашел общий язык. Вован, видя, с каким трудом мальчик учится в школе, дал тому совет:

– Учись что-то делать руками, потому что из тебя академика не выйдет.

И Лаврентий, вняв совету, стал смотреть, как Вован чинит обувь: подбивает каблуки, вшивает молнии, ставит заплатки. Потом и сам попробовал сделать то же самое. Не сразу, но у него стало получаться. А на тот момент, когда мать выгнала Вована, найдя ему замену в лице разбитного сантехника их общежития, Лаврентий уже умел чинить обувь самостоятельно. Так как многие приносили свои штиблеты Вовану на дом, часть его клиентуры тут же перекочевала к Лаврентию.

Мальчику едва исполнилось четырнадцать, а он уже зарабатывал хорошие деньги. В отличие от Вована, который подругам сожительницы или своим близким знакомым ремонтировал обувь даром, а иной раз отказывался от работы, ленясь или хвора с похмелья, Лаврентий со всех брал деньги и хватался за любой заказ. Другие мастера советовали выкинуть изношенные

сапоги, а он приводил их в пристойный вид. Лазил по помойкам, подвалам, чердакам, выискивал брошенную обувь и тащил домой. Из кожи делал заплатки, выпарывал молнии, вырезал мех.

Мать стала относиться к сыну с уважением. Как же – добытчик! И пусть из его доходов ей перепало немного, все равно хорошо. Себя одевает, обувает и жрать не просит, все себе кашу варит с мясными остатками да за работой грызет карамельки «Голышки».

Надо сказать, что после того, как ушел Вася, матушка изменилась в лучшую сторону. Пить стала меньше, не истерила по пустякам и даже снова в аппаратчицы выбилась из подсобных рабочих. Только чувствовал Лавр, любит она своего Васю. Любит и ждет, когда он вернется...

К его великому счастью, Вася не возвращался!

Школу Лаврентий окончил еле-еле. А так как он пошел в первый класс в возрасте восьми лет и после своего побега так и не смог нагнать сверстников и остался на второй год, то его сразу забрали в армию. Отслужил. Вернулся домой и занялся привычным ремеслом. Пожалуй, он так и прожил бы жизнь, чиня обувь, если бы не... Вася!

Спустя годы он нарисовался на пороге их комнаты. Уже не такой красивый, облезлый, худой, испитый, но мать его приняла. Воссоединение отметили грандиозной попойкой. После нее Вася по старой традиции накинудся на Лавра с кулаками, однако был бит. Причем жестоко. Но мать его защищала. Чуть ли не телом своим закрывала. А потом, плача, смывала кровь с его лица.

Утром Лаврентий проснулся оттого, что на него кто-то пристально смотрит. Естественно, это был Вася. Он стоял над парнем с ножом в руке. Лавр выбил оружие из рук мужика, скрутил его и сказал матери:

– Выбирай – он или я.

Любови между матерью и сыном не было никогда. Ее всегда больше волновали мужики да пьянки, Лавра это, естественно, обижало. А того, что родительница позволяла его, малыша, колотить, он вообще простить ей не мог. И все же это была его мать. И если бы ее обижала какая-то баба, он прогнал бы ту...

– Вася остается, – твердо ответила мать.

Лаврентий молча собрал вещи, взял документы, деньги, инструмент и ушел.

Куда податься, он не знал. Друзей, у которых можно перекантоваться, у него не было. Как и подруг. Он вообще оказался одиночкой по жизни. Единственный человек, с кем у него получилось сблизиться, была полоумная Маришка.

Вспомнив о ней, Лаврентий заспешил на вокзал.

Он повторил тот путь, который проделал в десять лет. Только на сей раз ехал не зайцем.

Вокзал показался ему маленьким и мрачным. Не таким, как раньше. В детстве здание виделось Лавру огромным и почему-то напоминало дворец. Наверное, из-за сводчатых окон и высоких потолков. Или из-за люстры в центральном зале, многоярусной, блестящей.

Лаврентий подошел к справочной, спросил про Маришку.

– У нас такая не работает, – ответила женщина удивленно.

– А она вообще жива, не знаете?

– Понятия не имею...

И Лавр направился к бараку, где провел чуть ли не лучшие дни своей жизни. Каков же был его ужас, когда оказалось, что на том месте высится трехэтажный универмаг.

Лаврентий вернулся на вокзал. Собрался в Москву, так как не надеялся найти Маришку. Более того, он только сейчас понял, как глупа его затея. Пока сидел в ожидании электрички, к нему подошел мужик бомжеватого вида. Не сразу Лавр узнал в нем бывшего соседа Маришки.

– Сигаретки не найдется? – проблеял тот.

Лавр не курил, но решил купить мужику пачку «Примы». Сунув ее в руку алкаша, он спросил:

- Ты ведь в бараке жил за вокзалом?
- Ну?
- Когда его снесли, вам квартиры дали?
- Ну.
- Где?
- Ну...

Лаврентий чуть тумачков мужику не надавал. Но сдержался и терпеливо объяснил, что ему надо. Поняв, кто перед ним, пьяница поднял радостный крик:

– Семка, это ты? Ну надо же... Здоровый стал! А пятно-то твое где? А, вон оно, под козырьком... Вот я тебя и не признал!

– Жива она?

– Да, жива! Мы с ней опять по соседству. Через стенку. Всю жизнь мы с ней бок о бок. С малых лет...

– Она всегда была такой?

– Дурочкой-то? Не. В нормальную школу пошла. И училась хорошо. Хотя семья у нее была дрянная. Отец вообще мразь. Из-за него Маришка дурочкой стала. Он ее, первоклашку, изнасиловал. Тогда она умом и повредила... – Пьяница вздохнул тяжело. – Жаль Маришку. Хорошая она...

– Почему она больше тут не работает?

– Добираться далеко. Мы теперь на выселках. Проводить?

– Проводи.

– Только с тебя портвешок.

Лавр, конечно, пообещал.

До нового микрорайона они ехали на автобусе. Все дорогу сосед болтал (и проболтался, что именно он заложил его участковому), а Лаврентий думал: куда я приперся? Зачем? Мог бы просто уехать в ближнее Подмосковье, снять себе жилье подешевле, а не тащиться за двести километров...

Доехали до конечной, вышли. Через пустырь прошагали не меньше километра. Остановились у трех стоящих на отшибе домов. В среднем и жила Маришка.

– Первый этаж. Квартира три, – сообщил пьяница и протянул свою трясущуюся руку, чтобы получить денежку на портвейн.

Сунув ему пятерку, Лаврентий пошел к подъезду.

У Маришки было не заперто. Она редко закрывала дверь – брать-то все равно нечего. В квартире оказалось уже не так чисто, как когда-то, но все же не свинарник. Животных стало больше. Кошек Лавр насчитал семь, собак – четыре. Еще появились два хомяка и ежик.

Маришка была все та же. Полная, голубоглазая, добродушная, вот только левой руки у нее не оказалось, вместо нее культя. Как потом выяснилось, ее серьезно покусала бродячая собака. Пришлось ампутировать. Из-за этого женщине пришлось уйти с работы, не из-за расстояния, которое нужно преодолевать каждодневно.

Услышав, как хлопнула дверь, Маришка подняла глаза.

– Сеня, – протянула она и улыбнулась широко. Во рту у нее не оказалось ни одного зуба. – Вернулся...

Как она узнала его, Лаврентий мог только гадать. По родимому пятну не могла – его не видно за козырьком.

– Примешь? – просто спросил он.

Она закивала. После провела Лавра в кухню, усадила за стол, накормила кашей. Просто кашей, без мясных обрезков. На пенсию инвалидскую не разживешься. И уложила его не на

матрас, а на кучу каких-то тряпок. И все равно Лаврентий остался у Маришки. На следующий день купил раскладушку, белье, продуктов на неделю. Он сам не до конца понимал, зачем ему это. Жизнь в мизерной квартирке с безрукой дурочкой и кучей животных, которых еще придется содержать. Наверное, всему виной были воспоминания о том счастливом лете...

Или же благодарность? Ведь Лаврентия никто никогда не жалел. Никто, кроме Маришки.

Первое время жилось трудно. Денег не хватало. Лаврентий перебивался случайными заработками, пока не устроился в дом быта. Тогда Кондрашов еще не знал, что имеет дар обращаться в золото все, к чему прикасается.

Открыл он его в себе позже, в конце восьмидесятых, когда страна вступила в рыночную экономику. Лаврентий в последнее время не только чинил обувь, но и изготавливал ее. Началось все с того, что к нему явился постоянный клиент и попросил сшить из двух пар старых сапог «казаки». Лаврентий повертел обувку в руках, прикинул и понял, что сможет это сделать, но придется повозиться. За копейки он работать не любил, поэтому назвал цену, от которой любой другой пришел бы в ужас. Но клиент так мечтал о «казаках», что согласился. И Лаврентий изготовил для него сапоги его мечты.

Потом были другие клиенты и другая обувь. Кондрашову удавалось угождать всем. Спецзаказы приносили ему хорошие деньги, но это был не тот масштаб, о котором он с недавних пор стал мечтать. Лавру хотелось обзавестись своей жилплощадью, купить машину, да не какую-нибудь, а «Кадиллак». Почему именно его, он и сам толком не знал. Хотел, и все.

И решил Лавр открыть цех по пошиву обуви. Снял подвальчик, взял двух подмастерьев и стал производить кроссовки и мужские ботинки. Естественно, изготавливал подделки. Сначала старался повторять оригиналы один в один, потом плюнул и просто ляпал на башмаки лейблы известных фирм. Даже тех, что не занимались выпуском обуви. И деньги потекли рекой!

Лаврентий открыл еще несколько цехов. В том числе один по пошиву элитной обуви. В ней изготавливались те же подделки, только качественные. Их отправляли в столичные бутики. И еще два ателье, в одном строчился откровенный ширпотреб, в другом – качественный товар для все тех же дорогих магазинов.

Это было золотое время! Ни налогов, ни штрафов, только бандитам плати. Все, в том числе недвижимость, распродалось за копейки. Рабочая сила была дешевая. Спрос на продукцию огромный. Лаврентий всего за пару лет смог купить не только квартиру и «Кадиллак», но еще кучу машин и недвижимости. В том числе за границей. Когда частных предпринимателей поприжали, Кондрашов перевел свое обувное производство в Италию. А одежду стал шить в Китае. В тех помещениях, что купил на аукционах, открыл магазины.

Разбогатев, Лаврентий заскучал. Он так привык бороться за место под солнцем, что просто наслаждаться жизнью не умел. И стал он ставить перед собой новые цели и добиваться их. Он и на бирже играл, и строительством занимался, и открывал точки общепита. Когда ему надоело и это, он начал играть по-крупному. Банкротил, скупал предприятия, дробил, перепродавал. И у него все получалось! Казалось, он наделен особым даром. Тем самым, что был у мифического царя Мидаса.

Но если в бизнесе у Лаврентия все ладилось, то в личной жизни – нет. Он не только ни разу женат не был, но даже не жил ни с кем. Женщины были, конечно, но эпизодически. Когда только начинал свой башмачный бизнес, думал: вот как встану на ноги, приобрету жилье, машину, так сразу и женюсь. В жены возьму крепкую девку из деревенских, молодую, работающую, широкозадую, чтоб рожала легко. Но время шло, ноги крепчали, благосостояние росло, а Лавр так и не нашел ту, кого можно было бы под венец вести. Да и не искал – некогда стало!

В тридцать восемь Лаврентий чуть не женился. На молодой, работающей, широкозадой. Из далекого села привез. Поехал леса смотреть, которые купить хотел, да увидел девушку прекрасную. Шла она по окoliце. Несла речную воду, чтобы огород полить. Да не в руках ведра держала, а на коромысле. У селянки коса до пояса, лицо чистое, румяное. И сарафан до земли.

Кондрашов как увидел красоту эту пасторальную, так и позабыл обо всех делах своих насущных. Остановил машину и к девице бросился – знакомиться.

И уже на следующий день селянка с Лаврентием в Москву ехала. Долго уговаривать красавицу не пришлось. Ни ее, ни родителей. Со столичным миллионером разве кто откажется дочь свою отпустить?

Поселил Лавр девушку в доме своем на Рублевке. Одел в меха, драгоценностями обвешал. Жениться хотел. Искренне хотел. Но, конечно, не мог довериться невесте целиком и полностью. Решил проверить перед походом в загс на моральную устойчивость. Шофера приставил к девушке – чистого Аполлона. Ну она и не устояла. Думала, не узнает жених об этом. Наивная селянка! Так и упустила свое счастье...

Лавр после этого случая как-то сразу успокоился. Решил для себя, что ему хорошо и так: без жены и детей. А вот Маришка переживала. Кондрашов по-прежнему жил с ней. Он перевез ее в Москву, поселил в отдельном коттедже вместе с кошками, собаками и хомяками. Да еще приемник открыл для бездомных животных, чтобы Маришка найденышей не в дом таскала, а туда. Он для нее еще много чего сделал бы, да ей не надо было ничего. Протез, что он выписал для нее из Америки, она не носила. Зубы вставлять отказывалась. Вещи даже из пакетов не доставала, носила привычное старье.

Когда у Лаврентия бывало нехорошо на душе, он приходил к Маришке с бутылкой водки. Они садились за стол, выпивали по маленькой, закусывали пшенкой с мясными обрезками и молчали. Это была своего рода терапия.

А три месяца назад Маришка умерла. И остался Лаврентий без самого близкого человека...

Один, совсем один.

Глава 4

Самуил Штайман

Самуил Штайман был очень мал ростом. Женщинам, с которыми он знакомился, говорил, что в нем сто семьдесят сантиметров. На деле же – сто шестьдесят. Самик ужасно комплексовал из-за этого. И до двадцати семи лет (до такого возраста якобы люди растут) мечтал о том, что вытянется еще хотя бы на пару сантиметров. Но не тут-то было! Достигнув своих ста шестидесяти в двадцать лет, Самуил не прибавил к своему росту не миллиметра. А он так надеялся догнать хотя бы своего брата, тоже низкорослого, но все же не настолько. Марик дослел до ста шестидесяти пяти. Их мама считала, что это нормальный средний рост. И очень гордилась своим «высоким» сыном. В их семье все были маленькими. Особенно мала была мама. Сто сорок пять сантиметров. Дюймовочка. Отец сто пятьдесят восемь. Конечно, им дети казались если не большими, то нормальными. Даже Самик!

Что такое «комплекс Наполеона», Штайман знал не понаслышке. Сам страдал им. Причем в острой форме. Самик с детства стремился к лидерству. Стоя последним на построении на уроке физкультуры, он из кожи вон лез, желая обогнать, обскákat, обыграть остальных. Не имея особой склонности к точным наукам, Самик участвовал во всех математических олимпиадах до тех пор, пока не выиграл одну из них. Еще он играл главные роли в школьных постановках. Ездил на районные зарницы в качестве командира команды. Солировал в хоре, куда его сначала не хотели брать.

Быть первым во всем было тяжело. Приходилось прилагать невероятные усилия. Когда Самик немного повзрослел, он понял: если будет продолжать в том же духе, надорвется. Или хуже того – сдаст позиции. Уступит кому-то пальму первенства. И Самуил, к удивлению большинства, бросил все, что у него так хорошо получалось, и посвятил себя одной лишь учебе. Он решил поступить в престижный вуз. Туда, куда мог попасть только либо очень умный, либо очень блатной. Многие высокопоставленные особы пристраивали своих чад именно в выбранную Самиком академию. В том, что он возжелал поступать именно туда, тоже был виноват его комплекс. Папа как-то заметил, что двоюродный племянник, сын дяди Изи, умный, красивый и, что немаловажно, рослый парень, гордость рода, три года пытался туда прорваться, но так и не смог из-за невероятного конкурса. «Это, наверное, вообще нереально – попасть в число абитуриентов такого вуза без блата. Да еще с нашей национальностью!» – резюмировал отец. А Самик подумал: «Это мы еще посмотрим!» – после чего всерьез взялся за учебу.

В Финансовую академию он поступил. Отучился там. С задержкой на год (пришлось взять «академический» из-за заваленного экзамена), но все же получил диплом. Отлично распределлся. Всем доказал, что он большой... Хотя и маленький.

Женился Самик три раза. Всегда по любви. Или ему так казалось? Каждую из своих жен он отбивал. Первую у жениха, вторую у мужа, третью у любовника. Причем сложнее всего было с последней. Потому что пришлось уводить ее не только от мужчины, но и от денег, которые он ей давал, а это были просто невероятные суммы. Последняя супруга Самика была вице-мисс Россия. Гарная дивчина с Ростова. С конкурса ее сразу увезли на Рублевку. Поселили в замке, осыпали бриллиантами, вручили безлимитную кредитку. Какая девушка не мечтает о подобной жизни? И какая от нее откажется?

Так что последнюю увести было всех сложнее. Но Самик смог. На свою голову! Она оказалась, не в пример предыдущим женам, бестолковой, ленивой, жадной... Но самой сногшибательной из всех! Хотя Самик всегда женился только на красавицах. Причем высоких. Ему нравились рослые женщины. Третья была самой высокой. За метр восемьдесят. Когда она надевала каблуки, Самик едва доходил ей до плеча.

Детей у него тоже было трое. Два ребенка от первой жены, один от второй. Третья детей рожать не хотела. Самик не настаивал. Во-первых, уже имел чад, а во-вторых, не представлял супругу в роли матери. Она и с ролью жены-то плохо справлялась! Теперь Самик понимал, почему тот олигарх, у которого он девушку увел, не повел ее под венец. Хотя был, в отличие от него, холостой. Но Самик не мог иначе. Если любил, звал замуж. Считал, что женщина принадлежит по-настоящему ему только после того, как берет фамилию Штайман.

В тот момент, когда Самик вернулся домой, нынешняя госпожа Штайман находилась в гостиной и раскладывала пасьянс. То есть занималась любимым делом – других она просто не признавала. Самик пытался приучить ее к элементарному: прибирать за собой белье, чтобы не валялось по всей спальне до прихода уборщицы, ставить грязную чашку в посудомойку, а не на что попало, в том числе на антикварную мебель, убирать раскиданные туфли в шкаф, после того как нужные выбраны, дабы не мешались под ногами, но все без толку. Когда же он первый раз попросил приготовить ему завтрак (залить молоком овсянку и соорудить два бутерброда), супруга устроила скандал. Кричала, что она в кухарки не нанималась и если жена Самик нужна для того, чтобы его обслуживать, пусть поищет другую дуру. Потом она укатила в ЦУМ и вернулась с ворохом ненужного барахла и нулевым балансом на кредитной карте. После того как в модном журнале (ничего другого она не читала) написали, что шопинг снимает стресс, госпожа Штайман рассматривала свои набег на бутики как терапию.

В сексе супруга была так же ленива, как во всем остальном. Она ничего против него не имела, но предпочитала лежать и расслабляться, позволяя мужу себя улаживать.

Однако Самик все это терпел, потому что обожал свою женушку. И готов был простить ей и лень, и склочность, и жадность, и невнимание к себе за невероятную красоту. Самик любовался супругой ежесекундно. Она нравилась ему любой: и заспанной, и обиженной, и хворой, и пьяной, и злой. О да, когда госпожа Штайман злилась, то становилась еще красивее. Глаза сверкали, на щеках играл румянец, губы делались еще полнее и ярче обычного. Но особенно хороша она была при полном параде. Накрасившись, сделав прическу, облачившись в платье, неизменно облегающее, чтобы все могли оценить безупречность ее фигуры, красивая простушка превращалась в королеву. Царственность появлялась во всем – в походке, осанке, повороте головы, позах, которые она принимала. Супруга как будто даже говорила в эти моменты без своего тягучего «гэ» и не употребляла любимое «шо». Но по большей части она молчала и сходила за умную. А Самик стоял рядом, по-хозяйски держа королеву под руку, и внутренне ликовал, потому что она была его женой, госпожой Штайман.

– Добрый вечер, – поприветствовал он супругу. Они не виделись сегодня. Когда Самик покинул дом, она еще спала. Причем в другой комнате, потому что была обижена на мужа за то, что он отказал ей в маленькой просьбе – купить розовый кабриолет взамен надоевшего голубого.

– Привет, – буркнула супруга, не поднимая глаз от карт.

– Как день прошел?

– Фигово...

До недавнего времени она употребляла другое слово, созвучное с этим, но матерное, однако Самик удалось ее отучить. Не совсем, конечно, – когда они ругались, женушка крыла его многоэтажным, но хотя бы не пересыпала свою повседневную речь матюгами, и то хорошо.

– Чем занималась? – Он просил ее подобрать ему в магазине несколько галстуков. Но, судя по тому, что супруга сидела ненакрашенная, из дома она сегодня не выходила.

Жена не удостоила его ответом.

– Галя, я с тобой разговариваю...

– Сколько раз я просила не называть меня Галей! – взорвалась жена. – Я Гала. С ударением на втором слог!

– Не ори.

– А ты не тупи!

Она швырнула карты на пол, вскочила с дивана и унеслась в другую комнату. Злющая и прекрасная. В любой другой день Самик последовал бы за ней и вымолил прощение, чтобы заняться любовью. Но сегодня он пребывал не в том состоянии духа, чтобы унижаться перед взбалмошной бабой. Да и секса как-то не очень хотелось. Больше покоя.

Самик скинул пиджак, расслабил галстук, расстегнул верхние пуговицы на рубашке, сел. Но уже через пару минут поднялся, чтобы налить себе виски. Пил он редко. По праздникам только. Не любил затуманивать мозг. Но сейчас ему хотелось именно этого.

Плеснув в стакан граммов сто пятьдесят, Самик отправился на кухню. Когда он принимал алкоголь, то очень много ел. Он еще и поэтому старался не употреблять спиртное. Чтобы не поправиться. С возрастом он стал обрастать жирком.

Открыв холодильник, Самик приуныл. Ничего, чего бы ему хотелось, там не оказалось. А хотелось супа. Украинского борща. Или наваристой ущицы из судачков. А на второе – телячьей отбивной. В кисло-сладком соусе да с тушеной капусткой. И кружку пива под нее. Немецкого, темного.

Но в холодильнике имелись только обезжиренные йогурты, сыры, фрукты и овощи. Жена вечно сидела на диете, а чем будет сыт муж, ее не волновало (именно она говорила прислуге, какие продукты купить). Все равно Самик редко дома ел, чаще в ресторанах. Он и кухарку поэтому не держал. Но иногда все же хотелось покушать на собственной кухне. А так как жена готовить не умела и не хотела учиться, то приходилось кашеварить самому. Обычно на этот случай в морозилке лежало мясо. Но сегодня его не оказалось. Самик все израсходовал, а сообщить об этом приходящей домработнице забыл. Так что пришлось вспомнить молодость, а именно студенческие годы, и поесть макароны с сыром.

– Что делаешь? – услышал он голос жены.

– Напиваюсь, – ответил Самик. Первый его бокал опустел, и он налил себе еще.

– Чего это ты?

Галю озадачило поведение мужа. Во-первых, он не пришел к ней мириться, как делал всегда, а во-вторых, целенаправленно напивался, чего за ним не замечалось никогда.

Самик залпом выпил виски. В голове шумело, но он решил повторить. Нетвердой рукой взял бутылку за горлышко, налил. Жене не предлагал, она виски терпеть не могла.

– Что-то случилось? – всерьез обеспокоилась Галя.

– Три часа назад на моих глазах человек умер... – Самик поморщился, вспоминая сведенное судорогой лицо Старикова в тот момент, когда жизнь покидала его тело. – Это страшно...

– А кто умер-то? Я его знаю?

– Нет. Мой институтский преподаватель.

– А от чего умер?

– Убили его.

Галя испуганно ахнула. Самику хотелось, чтоб она ушла к себе и оставила его в покое, но супруга была страшно любопытной. Поэтому ничего удивительного, что она задала следующий вопрос:

– Кто?

Самик пожал плечами и сделал большой глоток виски.

– А какого преподавателя? – не отставала Галя, а вернее, Гала с ударением на втором слого.

– Да какая разница, ты все равно ни одного не знаешь! – начал раздражаться Самик. Находясь в подпитии, он быстро выходил из себя.

– Почему же, знаю одного. Он к тебе полгода назад в офис приезжал. Противный такой старикан... Со сточенными зубами... Как у старой лошади.

Самик аж вискарем поперхнулся, когда услышал это. Он и думать не думал, что его легкомысленная супруга так наблюдательна. Стариков на самом деле был у него в офисе полгода назад, Галя его лишь мельком видела. Но запомнила. И даже рассмотрела его сточенные зубы.

– Ты чего молчишь? – потеребила она мужа за рукав. – Он или нет?

– Он.

– Значит, твоя мечта сбылась.

– Чего?

– Ну как чего? Ты же его проклинал!

– Я? Проклинал?

– Ну да... Я слышала, как ты, когда старик ушел, изрыгал проклятия. И говорил, что спляшешь на его могиле.

Самик внутренне содрогнулся. Он не предполагал, что его возглас мог быть услышан.

– Галочка...

Жена насупилась.

– Гала. Милая... – Самик произнес ее имя так, как требовалось, с ударением на втором слоге. – Я тебя очень прошу, если вдруг с тобой захотят поговорить ребята из следственной бригады, ты об этом им не рассказывай.

– Да что я, не понимаю? – насупилась она. – Конечно, не расскажу... Только... – На ее личике появилось выражение, которое он много раз наблюдал на мордашках своих маленьких детей, когда просил их о чем-то. На них читалось следующее: «Хорошо, папа, мы сделаем, как ты хочешь. Но взамен...» – Котик, ну ты купишь мне розовый кабриолет? А?

Самик понял, что его, как говорят в народе, взяли за яйца, и обреченно кивнул.

Глава 5

Марк Штайман

Марик всю жизнь находился в тени своего брата. Самик был гораздо умнее, спортивнее, одареннее. У него получалось практически все, за что он брался. Самик даже в баскетбол отлично играл, и это при его-то росте!

А вот Марик не блистал. Спорт, учеба, творчество – все это давалось ему с трудом. Единственное, он отлично разбирался в технике. Вечно что-то мастерил или чинил. Даже в юном возрасте деньги этим зарабатывал. Бывало, отремонтирует кому-нибудь утюг или из двух старых великов один смастерит, ему в благодарность – рублик, два. Марик их в копилочку. В этом они с братом тоже отличались. Самик был транжирой. Умел красиво тратить деньги. Например, на выдаваемые родителями карманные рубли закупить девочкам конфет, а пацанам пистонов. Или, когда стали старше, всю стипендию спустить на портвейн и угостить им друзей-приятелей. А один раз, когда они после первого курса в трудовом лагере заработали по восемьдесят рублей, Самик купил маме итальянские туфли. В подарок на день рождения! Марик ей духи презентовал. Хорошие. «Дзинтерс». Маме они очень нравились. И Марик приобрел сразу большой флакон. Да еще в подарочной упаковке и с прилагающимся к духам кремом. Отец вручил имениннице новую мясорубку. Тетя с дядей – теплую шаль. Друзья – столовый сервиз. Мама была рада подаркам. Но когда вошел Самик и поставил перед ней коробку со светло-серыми замшевыми, уютными и какими-то невероятно изящными туфельками, она прослезилась. Ей было так трудно подобрать обувь, на ее маленькую, но полную ногу. Да и не позволяла она себе таких роскошеств, как туфли по спекулятивной цене. Не те были доходы. Но она всегда мечтала иметь пару изящных босоножек или лодочек. Красивых и удобных! Мечтала, но никогда не озвучивала своих желаний. Самик как будто прочитал ее мысли...

Да, он умел и это. Предугадывать желания. В отличие от Марика. Тот даже намеков не понимал. Приходилось говорить открытым текстом, чего от него ждут. В юности и ранней молодости у Марика из-за этого возникало множество проблем с девушками. Возможно, они, эти проблемы, перекечевали бы и во взрослую жизнь, если бы парень не познакомился с мудрой женщиной по имени Лили. Та занималась проституцией. Марик снял ее, чтобы лишиться наконец девственности. И Лили сделала его мужчиной, но не только в сексуальном плане. Она научила его обращению с женщинами. Доступно объяснила, как следует себя с ними вести. Как уметь понимать их и как доставлять им удовольствие. Оказалось, это довольно просто. Не так просто, как с техникой, но что-то общее в обращении с ней и с женщинами есть. Схема, предложенная Лили, работала в большинстве случаев. А если нет, Марик обращался к своей доброй подруге за советом. Она никогда ему не отказывала. Ни в чем. Когда у Марика не было денег, она спала с ним просто так. И когда ушла на «пенсию», продолжала это делать. Но чаще они просто встречались, чтобы поболтать. Ни с кем Марик не был так близок, как со своей первой женщиной. Даже с братом.

О своем желании жениться Марик в первую очередь сообщил Лили. Ему было интересно ее мнение на этот счет. Он знал, остальные его осудят. Потому что он еще молод для брака. И девушку он выбрал себе неподходящую. Плохо образованную, из неблагополучной семьи, да еще и с ребенком. Но Марик любил ее. И чувствовал себя рядом с ней абсолютно комфортно. Почти так же, как с Лили. Его избранница тоже называла вещи своими именами, избегая туманных намеков и недомолвок.

Лили выбор Марика одобрила. И поддержала его решение. Сказала: «Женись. С ней тебе будет хорошо!» – как будто озвучила его мысли.

Марик впоследствии ни разу не пожалел о том, что рано и не очень удачно (по мнению многих) женился. Да, он взвалил на себя большую обузу – жену без специальности и двух детей

– своего, появившегося на свет через год после свадьбы, и приемного. Да, он не в каждую компанию мог привести свою неотесанную супругу. Да, ее плохо принимала семья, а друзья неустанно подшучивали, не веря в то, что Марик хранит верность своей далеко не блестящей благоверной, и постоянно провоцировали его на измену...

Да, было нелегко! Но разве бывает безоблачное счастье?

Марик разбогател рано. В двадцать шесть. На четыре года опередил брата. Но лишь потому, что Самик продолжал швыряться деньгами, поражая широтой своей души всех без исключения, а Марик считал каждую копейку и смог открыть свое дело. Начал с мастерской по ремонту бытовой техники, затем автосервис открыл и оптовый склад технических мелочей. Дела вел аккуратно. Осторожно. На риск не шел. Довольствовался синицей в руках, а на журавля в небе замахивался лишь тогда, когда для его поимки имелись все средства.

Самик в это время трудился на крупном заводе. Делал карьеру. Выбил в начальники финансового отдела. Метил на место коммерческого директора. Он наверняка добился бы своего, если бы не банкротство предприятия. Естественно, Самуил с его образованием и опытом быстро нашел бы себе место, но работать на «дядю» уже не хотел.

И Самик начал все с нуля. Занял у брата денег и открыл небольшую фирму. Долг вернул быстро. За полтора года. У него, как обычно, все получилось. Не только не прогореть, как многие новички, но и суметь быстро развиваться, закрепиться на рынке. Не прошло и пяти лет, как Самик превратился в крупного бизнесмена. А через десять владел большой торговой сетью, шикарной квартирой в центре, виллой на Майорке, парком машин, а в женах имел королеву красоты, на содержание которой уходило столько денег, сколько и не снилось какому-нибудь маленькому африканскому государству.

Марик был так же богат. Но жил довольно скромно. Добротный, без изысков дом, квартира в центре, две машины на семью: минивэн и демократичный «Фольсваген». Жена Марику родила еще одного ребенка. Девочку. Папочка души в ней не чаял. Старшие были пацанами, а тут маленькая леди. Да такая куколка! Марик не уставал благодарить жену за то, что она подарила ему дочь. Хотя врачи отговаривали женщину рожать, могли отказать почки. Но та не послушалась. Она знала, как Марик хочет еще ребенка. И решила рискнуть своим здоровьем. «Просто она больше ничего не умеет, только рожать детей, – высказался как-то Самик в узком кругу родни, но брат услышал. – К тому же, имея троих, в случае развода она получит гораздо большее содержание...»

Марик не обиделся на брата. Он знал его отношение к своей супруге. За многие годы оно не изменилось. То, что та была безупречной хозяйкой, отличной матерью и преданной женой, воспринималось всеми как должное. Это умницы, красавицы могут себе позволить быть безалаберными, капризными, легкомысленными, а невзрачной, глуповатой, малоинтересной бабе только и остается, что исправно исполнять свой супружеский долг. Чтоб мужа не увели!

Надо сказать, что жена Марика, Анастасия, Настена, как он ее называл, этого ужасно боялась. Она понимала, что составляет не самую достойную пару своему симпатичному, блестяще образованному (он получил два высших), богатому супругу. И если в молодости они хотя бы внешне смотрелись гармонично, то со временем... Настена обабилась, постарела. Она сильно не поправилась, осталась более-менее стройной, но фигура отяжелела, потеряла четкие очертания. Умей она одеваться, это можно было бы исправить. Но Анастасия носила удобные немаркие вещи, которые покупала на рынке, потому что в хороших магазинах чувствовала себя неуютно. Как и в дорогих салонах красоты. Стриглась она у мастера, который сооружал на ее голове прическу еще на первую свадьбу.

Марик же с возрастом похорошел. Был в юности худой, чернявый, лохматый. К сорока годам поправился, поседел и стал коротко стричься. Марка многие дамы, даже те, кто раньше в упор его не замечал, теперь находили чертовски привлекательным. А на встрече выпускников первая красавица школы, умопомрачительная блондинка Машенька Клинова, завоевавшая

еще ученицей первое место на конкурсе «Мисс Москва», так явно с ним заигрывала, что любой другой на месте Марка этим бы воспользовался. Любой... Но не Марк!

Нет, он не был святым. И верность своей супруге хранил только первые несколько лет (Лили не в счет!). Потом начал изменять. Но редко. И без огонька, что ли... Если же на его пути попадались женщины, которыми он мог бы всерьез увлечься, Марк бежал от таких. Этому его научила мудрая Лили. «Если не хочешь потерять семью, изменяй, но не влюбляйся, – напутствовала его она. – Левак укрепляет брак. А вот увлечение на стороне только его рушит!»

О своих похождениях он никому, кроме Лили, не рассказывал. И все, включая брата, считали его абсолютным пай-мальчиком. Марик никого не разубеждал.

После того как всех свидетелей смерти Алексея Алексеевича Старикова отпустили по домам, Марк сел в машину и отправился... к Лили! К жене успеет. Она его всегда ждет. В том числе и ночью. Или под утро. И не спрашивает, где он пропадал так долго. Идеальная супруга, что тут говорить! Вот только всего ей не расскажешь...

Марк в машине набрал номер Лили. Сообщил, что едет. Старая подруга велела купить своего любимого «Кампари», которое она употребляла с вишневым соком и льдом, и грильяжных конфет. Марк улыбнулся про себя. Зная ее пристрастия, он приобрел и вино, и сладости еще до того, как позвонил Лили.

Она встретила его в атласном халате и валенках. Марка давно не удивляло несоответствие ее одежды и обуви. У Лили постоянно мерзли ноги, и она круглый год носила дома валенки.

– Здравствуй, малыш, – поприветствовала она гостя и лобызнула в губы.

Лили исполнилось пятьдесят пять, и она выглядела на свои годы, если не старше. Черные с сильной проседью волосы коротко и не очень опрятно подстрижены, смуглая морщинистая кожа, сухой рот, карие глаза, наполовину закрытые опущенными веками. Теперь трудно представить, что двадцать лет назад Лили была красавицей. Но это действительно так. Вот только, как и многие женщины ее профессии, она очень быстро увяла. Еще в сорок была спелой ягодкой, а к пятидесяти превратилась в урюк.

Марик прошел за хозяйкой квартиры в кухню. Сел там, где обычно садился, в закуток между холодильником и шкафом. В нем помещался только компактный Марк, Лили же туда не протискивалась. А других гостей, кроме Штаймана, в ее доме не бывало.

– Тебе чайку? – спросила Лили.

– Как всегда.

Он был страстным чаевником. Особенно любил черный с корицей. Лили специально для него покупала пачку. Сама пила кофе, причем в неограниченных количествах.

Она поставила чайник. Пока он грелся, достала фужер и приступила к смешиванию коктейля. Марик знал, что в этот момент ее лучше не отвлекать. Лили вся отдавалась процессу. Создавалось впечатление, что она не простейший коктейль смешивает, а варит колдовское зелье.

Наконец «зелье» было приготовлено. Лили с фужером в руке угнездилась на стуле. Отпив пару глоткой, спросила:

– Ну, что там у тебя случилось?

Марик давно не поражался тому, что Лили его чувствует, как никто. Просто принимал это как данность. Сейчас он вел себя сдержанно, спокойно, ничем не показывая своей внутренней нервозности, но подруга почуяла: с ним что-то не так. И это не потому, что он нагрязнул неожиданно. Марик часто так делал.

Устав ждать ответа, Лили повторила свой вопрос:

– Что случилось?

– Он умер, Лили! – выпалил Марик. – Представляешь, умер!

И та поняла, о ком идет речь. А поняв, торжественно улыбнулась. Она тоже желала смерти старику!

Глава 6

Аристарх Козловский, он же Коля Козлов

Он никогда не забывал, кто он. Даже когда для всех стал всесильным Аристархом Козловским, себя ощущал затюканным очкариком Колькой Козловым по кличке Козел (с ударением на первом слоге).

Он был очень умным, этот Козел. Феноменально. Поэтому скакал через класс и школу окончил в пятнадцать. Кто бы знал, сколько раз Колька был бит за эти восемь лет. Его били не только отъявленные хулиганы, но и середнячки, и даже некоторые девчонки. А все потому, что он был самым умным и... самым слабым. Первых не любят, вторых каждый горазд обидеть. Вот Кольку и обижали.

В вузе, куда он поступил с невероятной легкостью, руки на него уже никто не поднимал, но это не значит, что ему стало легче. Пожалуй, напротив. Когда бьют, можно собраться, скукожиться, закрыться... Переждать. А если тебя травят словесно... Да так искусно, что понять, как тебя унижают, можешь только ты и еще несколько самых умных сокурсников...

А вот преподаватели Колю любили. Все, кроме одного. Алексея Алексеевича Старикова. Этот, казалось, все пять лет только тем и занимался, что отравлял Козлову жизнь. И это выражалось не только и не столько в том, что старик браковал курсовые, валил его на зачетах, вытряхивал всю душу на экзаменах, сколько в замечаниях, бросаемых на лекциях в адрес Козлова. Никто так виртуозно не опускал его словесно, как Алексей Алексеевич. Один раз Коля не выдержал и... расплакался. Когда били в школе, нюни не распускал, хотя было не только обидно, но и очень больно, а тут не сдержался... Почувствовав, что из глаз брызнули слезы, Коля вскочил и выбежал из аудитории. Он хотел выплакаться в туалете, а потом пойти на следующую лекцию, но не смог. Стоило представить, как его встретят сокурсники (кто острыми шуточками, кто пренебрежительными взглядами), как Козлова прошиб холодный пот. И Коля, выморкавшись и умывшись, отправился домой.

На следующий день он не пошел в академию. И на следующий за следующим. И так целую неделю. Когда мама узнала о том, что ее сын прогуливает занятия, она попыталась с ним поговорить, но Коля заявил, что больше в вуз не пойдет, и закрылся в себе.

Мать не знала, что и думать. И она решила, что сын увлекся наркотиками. Потому что единственный парень, с которым Коля общался из группы, Саня Сенин, покуривал травку (сын как-то проговорился). Мама решила Сани позвонить. Вот тогда-то она и узнала об инциденте в аудитории. Узнав, возмутилась и отправилась в академию, чтобы поговорить со Стариковым.

– Вашему сыну надо учиться держать удар! – заявил тот, после того как мать высказала претензию. – Его унижают все, кому не лень. А все почему? Да потому, что Коля слабак!

– Да как вы смеете? – возмутилась она.

– Смею, потому что желаю вашему Коле добра. Он умница и может далеко пойти. Но для начала ему нужно измениться. Иначе маленький гений превратится в большого неудачника.

И мама поняла профессора. Ей и самой казалось, что ее сын рохля. Все школьные годы проходил в ссадинах, а у самого даже костяшки пальцев не ободраны. Значит, бьют, а он не дает сдачи. Был бы отец у мальчика, может, научил бы его за себя стоять, а она... Она могла только ходить к классному руководителю и директору, жаловаться да просить за Колей приглядеть.

Вечером после визита к Старикову между матерью и сыном произошел серьезный разговор. Сначала она мягко советовала сблизиться с сокурсниками, а когда тот не пожелал слушать, перестала Колю щадить и высказала ему все. Употребила даже обидное слово «слабак». Парень снова расплакался, закрылся в своей комнате, но утром собрался и отправился в институт. Мать вздохнула с облегчением. Она решила, что ее сын надумал наконец измениться и попытается наладить контакт с одногруппниками и преподавателями, а также начнет хоть как-

то отвечать на издевательства. Ведь Коля чертовски умен, неужели не может в ответ на злую шутку столь же зло пошутить? Поставить обидчика на место хлестким словом? Она верила: у ее сына получится. А там, глядишь, и зауважают Колю, и у него наконец появятся приятели и... Возможно, даже девушка!

Однако она ошиблась. Коля пошел в институт не затем, чтобы доказать всем, что он не слабак. Просто ему нужно было набраться побольше знаний, впитать в себя их для того, чтобы разбогатеть. Вот тогда-то, когда у него появится много денег, все поймут, как ошибались на его счет. Все эти институтские остряки, которых пристроили в академию их папашки. Кто они без покровительства своих высокопоставленных родственников? Пустышки в дорогих шмотках и тачках, способные лишь на издевательства. А Коля Козлов – голова. Коля гений. Он не слабак. И скоро все это поймут...

Он стал заниматься еще прилежнее и окончил академию с «красным» дипломом. Все ждали, что он продолжит получать образование, ведь ему так легко давалась учеба, но Коля всех удивил. В том числе институтских остряков и злого гения Старикова. Тот не мог поверить, что его лучший ученик пошел работать на вещевой рынок продавцом. Решил, что у Коли от нервного перенапряжения во время работы над дипломом (именно он стал научным руководителем Козлова и крови парню попортил изрядное количество), что называется, крыша поехала. На самом же деле Коля никогда еще так здраво не рассуждал. О рыночной экономике, в которую вступило новое государство СНГ, он знал в теории все, на практике же ничего. В учебниках не напишут, как обойти закон, договориться с «крышей», уладить проблемы с чиновниками. Вот Коля и решил набраться тех знаний, которых в институте не получишь, чтобы разбогатеть поскорее.

Козлов пошел работать продавцом к своему дяде. У того было две точки на «Динамо». Как обычно, во всем быстро разобрался. Вник в самую суть. И полгода не прошло, как он понял, что сам готов открыть свое маленькое дело. Денег на это дала мама. Продала участок, на котором все равно ничего не выращивали.

Сначала была палатка на том же «Динамо», затем несколько ларьков у метро, далее – мини-рынок. Через два года после окончания института Коля смог приобрести машину и квартиру. Ему тогда едва исполнилось двадцать три. Другой бы приостановился, чтобы насладиться тем, что уже имеет, но Козлов не собирался делать передышку. Он планировал зажить не просто безбедно, а богато и феерично. Всем на зависть!

И решил Козлов организовать товарно-сырьевую биржу (по сути, постоянно действующий оптовый рынок чистой конкуренции). Он писал курсовую по этой теме когда-то и помнил, что в периоды становления рыночной экономики нет более выгодного предприятия. Он еще раньше его открыл бы, да средств не хватало.

По прошествии лет, когда все знали Колю как Аристарха Козловского, владельца холдинговой компании с сотней дочерних предприятий в СНГ и за рубежом, он вспоминал то время и диву давался. Как он, сопливый мальчишка без связей, смог создать целую империю и не погибнуть от шальной пули? Немыслимо. Люди старше, умнее, опытнее, значительно более разорвались, умирали, а он жил и процветал. Фалангу пальца отрубили еще в «рыночный» период, но это ерунда. Другим головы простреливали. В бетон закатывали. А на Колю никто не покушался. Быть может, потому, что его мало кто воспринимал всерьез?

Миллионером Коля стал в двадцать пять. Через год – миллиардером. Тогда же впервые женился. На звезде советского кино, потрясающей актрисе и невероятной красавице, которая была старше Аристарха на семнадцать лет. Он в подростковом возрасте увидел ее на экране – она играла молодую учительницу – и влюбился, как и многие его ровесники. Каждый хотел бы иметь такую училку. А Коля еще и жениться на ней мечтал. Так и видел себя, забитого, тощего, очкастого, другим – сильным, красивым... рядом с ней, хрупкой, нежной, обворожительной в белом платье и фате. Спустя годы его мечта сбылась. Вот только он так и не стал сильным

и красивым. А его избранница растеряла свою хрупкость, став дородной, и нежности в ней никогда не было. И все же она оставалась прекрасной, и белое платье ей чрезвычайно шло. И фата. Поэтому актриса все четыре раза выходила замуж именно в ней...

В тот же год Аристарх отправился на вечер встречи выпускников академии. До этого ни разу не посетил это мероприятие. Не чувствовал себя готовым. Теперь же, когда он стал первым российским миллиардером и женился на звезде, можно было и показаться тем, кто травил его все пять лет учебы.

Козловский отлично помнил тот день. Он надел свой лучший костюм, не привычный черный, а белый, нацепил платиновый «Роллекс» с бриллиантами (имелись у него часы и подороже, но выглядели скромно, не всякий поймет, что они стоят сотни тысяч долларов), сел в «Бугатти», взял чековую книжку, чтобы с барского плеча отвалить в фонд вуза круглую сумму, и поехал.

Встретили Аристарха как государя-императора. Все чуть ли не в ножки кланялись. Смотрели с уважением. Даже те, кто когда-то его травил. Вот только на Старикова ни «Роллекс», ни «Бугатти», ни чековая книжка впечатления не произвели. Он вскользь поздоровался с ним и прошел мимо, как будто не первый российский миллиардер перед ним, а Колька Козлов по кличке Козел.

Аристарх тогда чуть не расплакался от обиды. И быстро уехал. Даже до конца торжественной части не досидел. В тот день он понял для себя две вещи. Первая: для кого-то он навсегда останется ничтожеством, несмотря на все успехи. Вторая: есть на свете человек, которого он так ненавидит, что когда-нибудь убьет. И этот человек – Алексей Алексеевич Стариков!

Часть вторая

Глава 1 Андрей Седаков

Седаков не знал, что такое комплексы. Нет, он, конечно, имел представление о том, что это слово означает, но не более того. У него комплексов не было! В подростковом возрасте, когда они начинают формироваться, Андрей понял главное – у него нет оснований себя недооценивать.

Он увлекался футболом. Ходил в секцию. Играл хорошо, но не блестяще. Были в его команде ребята более талантливые. И среди них явная звезда – нападающий их команды Славик. О, как он играл! А как был высок, могуч, красив! Все парни ему завидовали. И Андрей мог бы. Если бы не видел его в душевой. Ребята после тренировок мылись и видели друг друга обнаженными. Мысль мериться пенисами никому в голову не приходила, но все же парни косились друг на друга, интересовались анатомией, сравнивали размеры. Андрей, конечно, тоже с любопытством рассматривал товарищей. К его удивлению, у всех до единого половые органы были гораздо меньше, чем у него. Особенно у Славика. И Андрей, еще юный, не до конца сформировавшийся умственно и физически, понял свое превосходство над остальными. Он больше всех, а значит – круче!

Позже, когда Андрей «созрел», он убедился в правильности своих выводов. Тогда как Славик, звезда футбольной команды, здоровяк, красавец, из кожи вон лез, чтобы уложить какую-нибудь девушку в койку, Седакову достаточно было показаться перед дамами в плавках. Стоило ему прийти в бассейн или на реку, как женщины сами липли к нему. Да не какие-нибудь салаги, бестолковые кривляки и воображалы, а спелые, знающие толк в сексуальных утехах дамы. Девственности шестнадцатилетнего Андрея лишила старшая сестра друга. Ей уже исполнилось двадцать пять, у нее имелись муж и ребенок. И она не воспринимала Андрея всерьез до тех пор, пока не увидела его в плавках. Друг пригласил Седакова на дачу, где отдыхала его сестра с супругом и сыном, они компанией всей пошли на пруд, немного выпили. Молодой муж быстро захмелел и уснул. Товарищ Андрея – тоже. Что уж говорить о малыше? Все смотрели сладкие сны. Только не до конца довольная своей сексуальной жизнью женщина двадцати пяти лет не могла сомкнуть глаз. Перед ними так и стоял крепкий, хорошо сложенный и очень щедро одаренный природой подросток. И она пошла к нему, лежащему в гамаке, взяла за руку и увела в луга. Там, среди нескошенных трав и диких цветов, Андрей впервые познал радость интимной близости и впервые услышал фразу, которую потом повторяли многие: «Малыш, ты просто создан для секса!»

С сестрой друга он больше ни встречался. Он и хотел бы, но она стала его избегать – боялась не устоять вновь. Однако часто вспоминала юного любовника, особенно во время занятий сексом со своим супругом. Это ее возбуждало!

Лишившись невинности, Седаков не бросился «покрывать» всех более-менее доступных «телочек», чтобы и удовольствие получить, и продемонстрировать полученные знания (кое-чему замужняя женщина успела паренька научить), а главное – выставиться перед друзьями. Обычно ведь так все недавние девственники поступают. Демонстрируют всем новый статус. И очень много болтают о своих подвигах, как правило если не вымышленных, то сильно приукрашенных. Все, но не Седаков! Он никому не собирался ничего доказывать, в том числе и себе. Он и так знал, что просто создан для секса, и получить его мог, не прилагая особых усилий. Следующая его девушка тоже была старше и так же, как сестра друга, сама проявила

инициативу. Они познакомились в бассейне, а уже на следующий день Андрей ночевал у нее и за ночь совершил одиннадцать половых актов. Седаков не считал, считала она и восхищенно вздыхала: «Малыш, ты просто создан для секса!»

К окончанию школы Андрей превратился в первого местного сердцееда. С ровесницами он не связывался. Крутил романы с девушками старше хотя бы года на три. А лучше на пять, семь, десять. У него даже были отношения с тридцатипятилетней женщиной, причем не какой-то там тетей-Мотей, а с красавицей гимнасткой, тренершей в спортшколе. Седаков не афишировал их, но каким-то образом все о них узнали. Рейтинг Андрея тут же подскочил, и о бравом парне стали мечтать не только одноклассницы, но и молодые учительницы. При этом внешность Седакова назвать сногсшибательной никто бы не решился. Высок, да, гармонично сложен, волосат в нужных местах – густой русой шерстью покрыты лишь грудь и живот, но не плечи и поясница... А лицо заурядное. Небольшие серые глаза, толстый, чуть вздернутый нос, излишне крупный рот. Ничего особенного! Да еще волосы на голове тонкие, абсолютно прямые. Чуть подлиннее отрастут, висят сосульками. В их роду все мужчины имели такие. Но ни один не облысел. Хотя Андрея и это не пугало. Не волосы или их отсутствие делают мужчину мужчиной...

После школы он пошел в армию. Демобилизовавшись, год проработал на стройке. Зарабатывал на мотоцикл и решал, чем хочет заниматься в будущем. Надумал стать финансистом. Профессия престижная. Денежная. И что особенно важно, в академии, где финансистов готовили, преподавал его отец. Этим грех не воспользоваться!

В первый же учебный день Андрей обратил внимание на одного парня. Да и как было не обратить, если он возвышался над всеми? К тому же был одет в фирменную джинсу. А волосы так коротко подстрижены, что мама Андрея непременно решила бы, что парень бывший зэк. Носатый, синеглазый, очень серьезный юноша баскетбольного роста понравился Седакову. Он почувствовал в нем уверенность, чем-то похожую на его собственную.

Они познакомились в тот же день и тут же поладили. Уже через неделю были не разлей вода. Хотя нового друга Седакова, Виктора Саврасова, многие в группе недолюбливали. Завидовали, наверное. Сынков богатых родителей в их группе училось несколько. И все были в фирменных джинсах. Так что завидовали не этому. Возможно, росту? Независимости? Блестящему уму? А скорее всему вместе. Ведь не бывает такого, чтобы человеку повезло во всем. Обычно либо умен, либо богат, либо хорош собой. А тут все сразу.

По окончании академии Андрей женился. Ему было двадцать шесть. В невесту свою он не был безумно влюблен. Как, впрочем, во всех своих пассий. Женщинами он увлекался довольно часто. Но чувство проходило через месяц, два. А обычно еще быстрее. Однако Андрей не страдал от этого. И имел четкое представление о том, как должен мужчина устроить свою жизнь. А именно: найти занятие по душе, заработать денег, жениться на приличной девушке, занять двоих детей и столько же любовниц, а старость встретить в уютном загородном доме в окружении семьи, внуков, правнуков и собак породы хаски. Андрей обожал всех лаек без исключения, но хасок по-особенному.

Лучшую кандидату на роль жены он встретил в гостях у родственников. Троюродная сестра матери отмечала свой юбилей. И Андрея на него пригласили не случайно. К теткинemu мужу из Питера приехала племянница Светлана. Умница и красавица двадцати семи лет. Девушке пора было выходить замуж, но умнице и красавице очень трудно найти того, кто будет ей соответствовать. А Андрей Седаков всем гош. Приятен, здоров, образован, перспективен, из хорошей семьи. Чем не жених?

Молодые люди друг другу понравились сразу. Светлана работала врачом-кардиологом. Была иронична, легка в общении, начитанна, спокойна. Роста невысокого, комплекции средней, ладная, вся какая-то гармоничная. Пропорции идеальные. Лицо правильное. Вот только без изюминки. Именно таких девушек для каталогов снимают, чтоб были хороши, но не отвле-

кали внимания от вещей. А еще у Светы оказались безупречные манеры, тихий, но хорошо поставленный голос и плавные движения.

Седаков сразу при знакомстве подумал: если и жениться, то именно на такой. Кроме всех явных достоинств, она обладала еще одним – не раздражала. Бывают женщины, вроде всем хороши, но напрягают. А Света была сама ненавязчивость.

Через три дня она уехала в Питер. Андрей звонил ей. И на очередные выходные Света пригласила его в гости. Седаков поехал. Между ними раньше ничего не было. Гуляли, ходили в театр, много разговаривали, но не более того. Седаков даже ни разу не поцеловал ее в губы, только в щеку. Возможно, ведь она себя чуть свободнее, кокетливее, все бы уже между ними произошло во время «московских каникул» Светланы, но она была не из тех...

Она жила одна. Родители купили ей небольшую квартиру. Седакову постелили в кухне. Он, конечно, лег там, но пробыл в своей кровати (если так можно назвать раскладушку) недолго. Нужно быть последним идиотом, чтобы не попытаться овладеть привлекательной женщиной, спящей за стеной. К тому же ее вряд ли порадует бездействие мужчины. Возможно, даже оскорбит.

Секс был так же приятен, как и все остальное, связанное со Светланой. Она была не девственницей, но и опыта большого явно не имела. Однако старалась, отдаваясь Андрею. Радовала его пусть и неумелыми, но приятными ласками. А после секса еще и расслабляющий массаж сделала.

Седаков отбыл к себе в Москву уже в статусе жениха. Перед отъездом он сделал Свете предложение, и она ответила ему согласием. Через два месяца они поженились.

Семейная жизнь сразу заладилась. Не было притирки характеров (оба были спокойны, рассудительны) и каких-то жилищных или финансовых сложностей, омрачающих жизнь многих молодоженов. У Седаковых имелась квартира. Света обменяла свою питерскую на московскую, на доплату пошли подаренные на свадьбу родителями Андрея деньги. Машина у них также была, пусть и не новая. А двух зарплат молодой семье хватало на безбедное существование.

Первенец появился на свет через два года. Мальчик, как Седаков и мечтал. А вот второго ребенка ему хотелось иметь женского пола. Как и Свете. Однако получился снова мальчик. Но такой славный, невероятно хорошенький, умненький, ласковый, как котенок. Старший был упрямый, шептун, вреднючий, вот родители и мечтали о дочке. Им казалось, что второй пацан будет таким же. Но младший оказался душкой, и Седаковы решили остановиться на двух чадах. Тем более что Светлана не собиралась уходить из профессии. Ей нравилась ее работа, и, когда Андрей разбогател, он купил жене клинику.

В общем, Седаков жил именно так, как хотел. Он сделал три правильных выбора: профессии, супруги и друга. Последний он считал таким же значимым, как два предыдущих. А вот Светлана Саврасова недолюбливала. Она никогда не демонстрировала свою неприязнь к нему, но Андрей чувствовал ее. Она внутренне напрягалась, когда была чем-то недовольна. Как будто собирала волю в кулак, чтобы не дать чувствам выплеснуться.

Супругу Андрей не видел почти две недели. Света улетела в Америку перенимать опыт заокеанских коллег. Дети жили вместе с бабушкой в московской квартире. Андрей – за городом.

Проснувшись, Седаков умылся, почистил зубы и отправился в бассейн. Он любил плавать: и занятие приятное, и для фигуры полезно. Андрей к сорока начал поправляться и последние годы занимался спортом не только в удовольствие, но и для поддержания формы.

Преодолев мощным брассом расстояние в три километра, Андрей выбрался из бассейна, принял душ, вытерся, обмотал бедра полотенцем и проследовал к веранде. Если стояла хорошая погода, Андрей завтракал на открытом воздухе, а это утро выдалось дивным. Завтрак уже

был готов. Седаков уселся за стол и начал с аппетитом уплетать омлет с грибами. Раньше с жареным беконом ел, но отучил себя от излишне жирных продуктов.

– Андрей Витальевич, вас к телефону, – услышал Седаков голос дворецкого. Затем в дверях показался и он сам. Высокий, худой, седовласый мужчина по имени Арчибальд. Седаков не знал, было это имя дано ему от рождения или же дворецкий сам его себе взял, но в паспорте значилось именно оно. Андрей, однако, язык не ломал и называл его просто Арчи.

Седаков взял трубку. Звонил, как и ожидалось, начальник его службы безопасности Ножкин. Ему вчера Андрей дал задание узнать о предварительных результатах расследования убийства Старикова и сообщить ему.

– Доброе утро, Андрей Витальевич, – приветствовал босса Ножкин.

– Доброе. Как я понимаю, уже что-то есть?

– Совершенно верно. Во-первых, готовы результаты вскрытия...

И четко, по-военному начал рапортовать. Андрей не перебивал. Знал, Ножкин и без наводящих вопросов выдаст всю информацию.

Закончив отчет, он пообещал позвонить сразу, как будут еще новости, попрощался и отсоединился.

Седаков отдал трубку Арчибальду, задумался.

– Желаете что-нибудь? – спросил тот. За завтраком Андрей иногда просматривал газеты. Несмотря на то что все новости давно узнавались из Интернета, он не перестал выписывать печатную продукцию. Ему нравился ее запах. Напоминал о детстве.

– Арчи, а что там у нас с крысами? – не выходя из задумчивого состояния и будто не слыша вопроса, поинтересовался Андрей.

– С крысами? – не сразу понял дворецкий. – Ах, вы о тех, что завелись в нашем подвале? Все в порядке, их больше нет. Та отравка, что вы привезли, сотворила чудо. Хватило одной таблетки.

– А где остальные?

– В кладовке, где вся прочая бытовая химия.

– Выброси их в унитаз, а пузырек сожги в камине. Немедленно.

– Но таблетки еще могут пригодиться... Вдруг крысы снова появятся...

– Я сказал – немедленно! – рявкнул Седаков.

– Слушаюсь, – пробормотал Арчибальд и попятился. Хозяин при нем лишь однажды повысил голос. Наорал на садовника, который оставил на грядке секатор, и об него поранил лапу его любимый пес породы хаски. Сразу после этого Седаков уволил работника, а Арчибальд очень за свое место держался.

– И никому ни слова о том, что в нашем доме был не только этот яд, но и крысы в подвале! – крикнул ему вдогонку Андрей.

Когда дворецкий скрылся, Седаков вернулся к завтраку, но, ковырнув разок остывший омлет, резко отодвинул тарелку. Посидев несколько секунд, он решительно встал, сорвал с себя полотенце и голышом нырнул в бассейн. Физическая нагрузка прочищала мозги, а ему требовалось сейчас именно избавиться от ненужных мыслей, чтобы подумать о главном...

Глава 2

Виктор Саврасов

Саврасов проснулся словно от толчка. Как будто его кто-то тряхнул за плечо: вставай, пора. Плохо соображая, что к чему, Виктор вскочил, начал озираться. В комнате, кроме него, никого не оказалось. Что, собственно, было естественно. Саврасов жил один, а прислуга не посмела бы вломиться к нему в спальню рано утром. Если произошло бы нечто из ряда вон выходящее и горничная или дворецкий разбудили бы его, чтобы сообщить новости, то сделали бы это более чем деликатно.

Виктор, шумно выдохнув, упал на кровать. Полежал, раскинув руки, успокоился, – сердце колотилось как-то неровно – и потянулся к часам. До звонка будильника оставалось еще семнадцать минут. В принципе можно подремать еще некоторое время. Или просто полежать. Врачи уверяют, что обычное нахождение в постели в состоянии покоя приравняется ко сну. Но Саврасову было как-то беспокойно в кровати, он встал и, накинув халат, направился в ванную комнату. Постояв в задумчивости у джакузи, пустил воду.

Виктор не любил нежиться в пенной ванне. После нее он становился вялым, если не сказать чумным. То есть, долго пролежав в теплой воде, он расслаблялся настолько, что превращался в овощ. Но сейчас Виктору хотелось именно этого. На дела можно и «забить».

Когда ванна наполнилась, он сыпанул туда соли, налил пены. Переборщил. Нужно было позвать прислугу, чтобы это сделала она, но Виктор никого не хотел видеть. Забравшись в ванну (половина пены сползла на пол), он расслабился и закрыл глаза. Отключить мысли сразу не получилось, поэтому он принялся размышлять. Да не о каких-то конкретных вещах, а просто о жизни... Причем личной... На которую ему времени катастрофически не хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.